
ВОЛЬНЫЙ
9
ЛЕКАРЬ
СТУДЕНТ
СЕРГЕЙ КАРЕЛИН
ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

Вольный лекарь

Сергей Карелин

Вольный лекарь. Студент. Том 9

«Автор»
«Автор»
2026

Карелин С. В.

Вольный лекарь. Студент. Том 9 / С. В. Карелин — «Автор», «Автор», 2026 — (Вольный лекарь)

Учеба началась! Однако мои приключения и проблемы не закончились. Как выяснилось, в академии творятся жуткие вещи, в которых мне предстоит разобраться. А также встретиться с врагом, который не раз пытался меня убить.

© Карелин С. В., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 18
Глава 4 23
Глава 5 29
Глава 6 34
Глава 7 39
Глава 8 44
Г 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Егор Золотарев, Сергей Карелин
Вольный лекарь. Студент. Том 9

Глава 1

На следующий день после моего возвращения мы вновь собрались вчетвером в кабинете главного врача Ивана Анатольевича Астафьева. Он должен был доложить обо всем главе города, но не знал, что именно сказать.

— О способностях Степана никто не должен знать, — строго проговорил Яров, когда Иван Анатольевич предложил рассказать правду.

— Георгий Захарович прав. Мы не можем так рисковать, — поддержал его Анатолий Ренатович. — Неизвестно, как отреагирует ваш глава на весть о том, что в его городе орудовал маг. Может, сразу побежит с докладом или шепнет эту информацию кому-то из служителей «Лика Истинного».

— Но ведь я должен хоть как-то объяснить, — развел руками растерянный Астафьев. — Такого просто быть не может, чтобы люди выздоровели ни с того ни с сего.

В кабинете снова наступила гнетущая тишина. Уже два часа мы раздумывали над этой задачей. Академик предложил объяснить выздоровление каким-то из своих препаратов, но Астафьев и Калинин были категорически против. Да и сам Яров позже согласился, что это объяснение захотят проверить многие, ведь весть об эпидемии разнеслась на всю империю. А где ему взять такое уникальное лекарство, которого на самом деле не существует? Непонятно.

— Не представляю, что еще придумать, — Анатолий Ренатович подошел к столу с напитками и налил себе полный стакан солоноватой минеральной воды. — Подставить Степу мы не можем, но умалчивать о его достижении тоже. Ведь благодаря ему болезнь отступила, — лекарь с гордостью посмотрел на меня. — Степа достоин уважения и всяческих наград, но, боюсь, вместо наград он может получить кое-что иное.

— Я с вами согласен, но и вы меня поймите — меня ждут в городской управе с докладом. Уже многие знают, что больные выздоровели и опасность миновала, и ждут хоть каких-то объяснений. Я должен внятно рассказать: что это была за болезнь и как получилось с нею совладать.

Все снова погрузились в свои размышления. Я же не хотел тратить время, сидя в кабинете, ведь вечером мы уже вылетали на дирижабле в Москву, поэтому предложил свою идею.

— Лучше будет сказать полуправду, — подал я голос. Все одновременно повернулись в мою сторону и выжидательно уставились. — Предлагаю рассказать про сущность и объяснить, почему эпидемия повторилась. Благодаря сооружению, созданному Хранителями, долгое время удавалось держать опасное растение взаперти, но землетрясение уничтожило ловушку, и сущность вырвалась наружу, лишая жизни людей и животных. Мы с Иваном Кузьмичом нашли опасную сущность и сожгли ее. После этого все прекратилось.

— Хм, а ведь это очень даже логично, — подал голос Яров после нескольких минут молчания. — Не обязательно быть магом, чтобы расправиться с растением. Тогда и все почести Степе достанутся, и жизнь его не под угрозой будет.

— Я тоже согласен с этим, — лекарь Калинин поставил на стол пустой стакан, допив минеральную воду. — Пусть все знают, что с тварью расправился Степа. Да и Иван Кузьмич, который к сущности привел и помог, тоже благодарности заслуживает.

Мы еще немного поговорили и все вместе вышли из кабинета. Главного врача уже ждал экипаж, чтобы отвезти на аудиенцию к главе города. Яров поехал с ним, а мы с Анатолием

Ренатовичем пошли гулять по городу. Уже вчера мы разослали телеграммы: я — Полине, а лекарь — Вере, где рассказали о том, что болезнь побеждена, а мы возвращаемся домой.

— Степа, мы с Яровым тебе уже говорили, но хочу повторить вновь: никому не рассказывай и не демонстрируй свои способности руномага, — понизив голос, проговорил Анатолий Ренатович, надев шляпу так, чтобы она создавала тень от знойного южного солнца. — Ты можешь признаться только в том, что ты духогляд, ведь, в отличие от других магов, они считаются безопасными, поэтому никто не занимается истреблением духоглядов.

— Я помню об этом, — кивнул я и подошел к прилавку, где торговали местными сочными плодами, над которыми летали пчелы. — Взвесьте две дыни и корзинку слив, — попросил я лавочника с седыми завихрюшками на бакенбардах.

Тот кивнул и, убрав длинный нож, которым только что нарезал на дольки большой арбуз, поставил на весы две медовые дыни, от сладкого аромата которых рот наполнился слюной.

— Мы и так сильно рисковали, когда позволили тебе использовать свои способности в больнице. Надеюсь, эта информация до властей не дойдет, — лекарь выглядел обеспокоенным.

— Никто из них не знал, что именно я делаю, — я расплатился за дыню и сливы, и мы продолжили путь.

— Все равно — это очень рискованно. Ты слишком часто проявляешь себя. Я понимаю твое желание помочь, но ты должен думать прежде всего о себе. Ты молод, поэтому не застал тех времен, когда магов хватали прямо на улице и без суда и следствия просто убивали, обвиняя в черной магии. Это было ужасно. Никто не осмеливался пойти против самоуправства служителей и прихожан «Лика Истинного».

— Неужели они и сейчас продолжают убивать? — удивился я. Ведь все-таки надеялся, что живу в цивилизованном государстве, где правят законы. И, как я уже успел выяснить, нет ни одного закона, который бы разрешал самосуд.

— Не так открыто, как прежде, но убивают. Еще в прошлом месяце в Петербурге прямо в Мойке утопили мага, который управлял водной стихией. Его поймали, когда он упражнялся в создании волн. Связали руки, повесили камень на шею и на глазах прохожих сбросили с моста. Никто не осмелился его спасти, чтобы не навлечь беду на себя.

— Что стало с теми, кто это сделал?

— Не знаю, но предполагаю, что никакой ответственности они не понесли. Власти сквозь пальцы смотрят на преступления, связанные с гонениями магов. Даже влиятельные семьи, в которых рождаются маги, вынуждены скрывать это.

— Неужели не найдется тот, кто остановит все это безумие? — возмутился я.

— Боюсь, что таких смельчаков не сыскать. Орден Истинного самый многочисленный, а архимонах обладает огромной властью и входит в круг людей, близких к императорской семье.

— Император не понимает, что, избавляясь от магов, он делает хуже своему государству? Ведь мы обладаем той силой, которая недоступна обычным людям.

— Все он понимает, но страх перед магами гораздо сильнее. Ни один власть имущий не хочет потерять… Эй, осторожнее!

Мимо нас с огромной скоростью проскакал всадник в черном одеянии. Он мчался во весь опор по многолюдной улице, перескакивая через повозки, стегая плетью прохожих и злобно крича:

— Проваливайте! Пшел вон, тюхля! Фью-фью-фьють!

— Ну и болван, — буркнул Анатолий Ренатович, подобрал упавшую шляпу и стряхнул пыль, осевшую на его клетчатые брюки. — Стоило только всем прознать, что болезнь отступила, как горячий горный народец вновь показывает свою удаль.

— Горный народ? — заинтересовался я.

— Да, кавдары. Горные люди. Оно и понятно, всю жизнь воевали за лучшие земли, но теперь они владеют лишь небольшим участком у подножья гор. Большего им власть не дала.

— Что значит «владеют»? Эта земля полностью принадлежит им, и они ни за что не платят? — я вытащил из корзинки сочную сливу и откусил. Сладкий сок и нежная мякоть наполнили рот.

— Так и есть. Но даже этого кусочка они добились большими жертвами. Зато теперь живут припеваючи и не перед кем не отчитываются.

Мы вновь двинулись по улице, выискивая подарки для своих близких. Анатолий Ренатович купил Вере тапочки с загнутым вверх носом и красивой вышивкой, а я нашел для Полины бусы из горного хрусталя и набор шелковых носовых платков с местным орнаментом.

— Во сколько мы вылетаем? — спросил я у лекаря, расплачиваясь за две кружки прохладного кваса.

— В восемь вечера. Надеюсь, Яров не задержится, а то любит он в гостях засиживаться, — усмехнулся он и большим глотком отпил сладковатый квас.

Мы сидели на скамье под тенью деревьев и наслаждались копченой рыбкой-барабулькой с квасом.

— Эх, хорошо. В будущем году привезу сюда Веру на целый месяц. Пусть отдохнет. Правда, до моря далековато, но это ничего — она все равно плавать не умеет.

— Расскажите мне про тот народ — кавдары, — попросил я, бросив голову барабульки.

— Что ты хочешь узнать?

— То есть они живут сами по себе и не подчиняются власти, так?

— Да. У них свой старейшина. И законы свои. Их считают дикарями, но я думаю, что они просто очень смелые и свободолюбивые, именно поэтому не хотят жить по чужим законам и подчиняться императорскому роду. Старейшин они выбирают сами. Как правило, ими становятся самые умные и сильные.

— Как же император допустил, что на территории его государства живут те, кто его не признает? — удивился я.

— Кавдарам это стоило многих лет борьбы и тысяч погибших.

Вдруг вдали снова послышались крики и быстрый цокот копыт. Мужчина в черном ехал обратно, по-прежнему расчищая себе путь плетью и грозными возгласами.

Я поднялся со скамьи и подошел к дороге. Мне стало очень интересно посмотреть на него вблизи. Когда лошадь пробегала мимо, я встретился взглядом с молодым мужчиной с невероятно голубыми глазами под черными бровями. От него исходила магическая аура, свойственная только магам. Хм, а это уже интересно.

***

К счастью, Яров не опоздал. После ужина мы собрали вещи, академик вышел на улицу ловить извозчика, а я подошел к Агафье.

— В том, что болезнь отступила, самую большую роль сыграла Катенька. Именно она показала мне растение, из-за которого все произошло. Никто об этом даже подумать не мог.

— Спасибо за то, что вы ей доверились. Никто другой ее бы даже слушать не стал, — вполголоса проговорила женщина и с благодарностью посмотрела на меня. — Катя знала, что вы должны приехать, и очень ждала вас.

— Она — провидица. У нее сильный дар. Я бы хотел сохранить с вами отношения. Буду писать иногда, а вы мне отвечайте. Договорились?

— Конечно. Катенька будет рада, ведь все эти дни только о вас говорит.

— Что же она говорит? — заинтересовался я, ведь девочка могла видеть то, что никому не по силам. Возможно, она увидела мое будущее.

— Говорит, как нам всем повезло, что вы решили поселиться в нашем мире. Я не поняла, что это значит, а она сказала, что вы все поймете. А вы как думаете, что она имела в виду?

— женщина внимательно посмотрела на меня в надежде, что я разгадаю слова Кати. Я сделал вид, что тоже не понимаю, и пожал плечами.

— Передайте дочери привет от меня, а это вам, — я вытащил из кармана скрученные купюры, которые нарочно подготовил.

Здесь было ровно двести рублей. Я видел, в каких условиях живут женщина и ребенок, поэтому очень хотелось помочь им.

— Зачем это? — испуганно прошептала Агафья и отшатнулась, будто я вытащил из кармана не деньги, а змею.

— Катя помогла мне, а я хочу помочь вам. Берите, это подарок.

— Но ведь я не смогу вам ничего подарить взамен, — женщина выглядела растерянной, видимо, никогда раньше не получала таких подарков.

— Вы уже подарили этому миру вашу замечательную дочь, которая помогла сотням, а может, даже тысячам человек.

Мне пришлось еще немного ее поуговаривать, прежде чем Агафья приняла подарок и даже прослезилась, когда увидела, сколько денег я ей подарил. Конечно, это было расточительно с моей стороны, но, в отличие от служанки, у меня масса возможностей заработать денег.

— Ну, чего вы не спускаетесь? — в дверях появился возмущенный Яров. — Уже пять минут держу извозчика, а их все нет и нет.

Попрощавшись со служанкой, мы вышли на улицу и сели в карету. Все свои чемоданы и коробки с оборудованием Яров еще вчера отвез на вокзал и сдал в камеру хранения, поэтому сегодня обошлись одним экипажем.

Как назло, снова был сильный ветер, и дирижабль метался на канатах, как птичка в клетке. Анатолию Ренатовичу пришлось взять себя в руки, призвать на помощь все свое мужество, чтобы подняться по качающемуся мостику в гондолу.

— Отличное выдалось приключение, — Яров опустился на мягкий диван и с довольным видом вытянул ноги, расстегнув пуговицы сюртука.

— Вряд ли можно назвать приключением смерть почти тридцати человек, — подал голос Анатолий Ренатович.

Он все еще не оправился от страха перед высотой и сильным ветром, поэтому до сих пор был как на иголках, с опаской выглядывая в иллюминатор, в котором виднелся удаляющийся город.

— А ты представь, что было бы, если бы мы не решились на этот отважный шаг и не прилетели на выручку нашим коллегам? Вряд ли смерти исчислялись бы десятками. Скорее всего, померли бы тысячи человек. Так что мы имеем полное право наслаждаться победой. Кстати, мой ученик, Дима Семочкин, решил остаться в городе и не возвращаться в Москву. Тем лучше, в провинции всегда нехватка кадров. Все так и норовят остаться в столице.

В это время к нам заглянул стюард. Академик велел принести шампанского в честь победы над болезнью, но побледневший молодой человек, извиняясь, ответил, что на дирижабле алкоголь не держат.

— А вот это очень даже возмутительно! — распалился Яров. — Никто не может запрещать пить мне там, где я хочу! Билеты стоят дорого, но кроме стылой воды из буфета и жидкого кофе из прогорклых зерен ничего нет! Как отдыхать уважаемым людям на вашем дирижабле? Как?! — он вытаращился на стюарда, который, судя по виду, готов был под землю провалиться. Или, если конкретнее, под доски гондолы.

— Такие правила. Ради безопасности, — еле слышно ответил стюард и с мольбой посмотрел на нас, чтобы мы вразумили нашего товарища. Я пришел ему на помощь.

— Георгий Захарович, не думаю, что стоит нервничать из-за такой ерунды. Я могу угостить вас кое-чем получше, чем слабоалкогольная шипучка, — улыбнулся я и вытащил из рюкзака бутылку чачи.

— О-о-о, и впрямь получше, — обрадовался академик, который после вчерашнего застолья до сих пор мучился похмельем.

Я бы, конечно, мог ему помочь по-другому, но решил не растрачивать энергию по пустякам. К тому же ему полезно помучиться, чтобы нести ответственность за обильное возлияние.

Стюард с облегчением выдохнул, когда разбушевавшийся пассажир успокоился, быстро убежал и скоро вернулся с закуской: сырной тарелкой, копчеными колбасками и маринованными огурцами.

После нескольких рюмок чачи лекарь и академик легли спать, а я очистил организм от алкогольных токсинов и опустился на диван у иллюминатора. В этой поездке я снова столкнулся с разрушенной ловушкой, или, если по-другому, разрушенным узловым местом, ведь полное название Хранителей — это Хранители Узловых мест.

Узел — краткое и емкое название, которое заключает в себе много смысла. С помощью узла можно соединить, затянуть, зафиксировать и привязать. Каждый раз Хранители «привязывали» сущность к определенному месту, ведь не могли уничтожить. Но почему? Неужели они были недостаточно сильны, чтобы бороться со злом? Или они нарочно не убивали, а оставляли тварей в живых, чтобы использовать их силу для своих нужд? Хм… Об этом надо подумать. Кстати, я так и не успел узнать, какие маги существуют в этом мире. По возвращении нужно наведаться в Имперскую Палату знаний и найти всю информацию о них.

Еще меня заинтересовали квадры — народ, живущий у подножья гор и не признающий имперскую власть. Тот мужчина с голубыми глазами точно маг — в этом нет никаких сомнений, ведь я явственно почувствовал магическую энергию. Притом довольно сильную. Интересно было бы узнать о них побольше. Еще один повод наведаться в самую богатую библиотеку империи.

Я посмотрел на лекаря, который лег на свою постель, не раздеваясь, и сложил под щекой ладошки. Он мирно спал, чему-то улыбаясь. Академик же кряхтел и стонал во сне, будто бежал от кого-то. У меня же сна не было ни в одному глазу, поэтому я вышел в коридор и двинулся к смотровым окнам.

Дирижабль пыхтел и скрипел. Механизмы и двигатели работали, ветер шумел над головой, со свистом проносясь между натянутыми тросами. На улице была тьма — хоть глаз выколи, но внизу, прямо под нами, проплывало поселение, где горели огни. Красивейший вид, но ноги все равно похолодели. Я снова детально вспомнил о молнии и нашем падении. Почему я остался жив? Кто прислал меня в этот мир? Зачем это было сделано? Какая у меня миссия?

Я приложил руку к груди, закрыл глаза и мысленно произнес: «Зачем я здесь?». Не знаю, зачем я это сделал и почему решил, что так можно получить ответы, но, сколько бы ни ждал, мне никто не ответил. Возможно, еще не время задавать вопросы. Ну ладно, как говорят в этом мире — все тайное становится явным. Я тоже узнаю, зачем меня отправили сюда, но, видимо, не сейчас.

***

Илья пришел в себя и, открыв глаза, увидел, что над ним — низкий бревенчатый потолок с клоками старой грязной паутины. Где-то неподалеку трещал огонь, и что-то шкворчало. Пахло подгоревшей кашей и дымом.

Молодой лекарь повернул голову и увидел печь, рядом с которой на корточках сидел мужчина и аккуратно нарезал лучину из полена. Он делал это привычным движением и задумчиво смотрел перед собой.

— Где я? — прохрипел Илья и понял, что рот и горло настолько высохли, что даже говорить было трудно.

Мужчина испуганно вздрогнул и повернулся к нему.

— А-а, очнулся. Видать, полегчало, — он отложил свою работу, зачерпнул из бочки с водой полный ковш и подошел к кровати. — На, пей. Знахарка сказала, что есть тебе нельзя, а вот пить обязательно.

Присев на край лежанки, мужчина приподнял Илье голову и поднес к губам ковш. Тот с жадностью начал пить прохладную колодезную воду.

— Ну-ну, хватит пока, — незнакомец убрал ковш. — Лишь бы обратно не поплохело. Ведь цельную неделю здесь лежишь. Мы-то уж думали, что придется могилу копать, а ты вона — очнулся, — он явно был доволен. — Как хоть зовут-то тебя?

— Илья Прудников, — ответил Илья и осмотрелся.

Дом небольшой — всего одна просторная комната с двумя лежанками, на одной из которых он лежал сам. Посреди дома — печь. Сразу за ней — полки с кухонной утварью, возле небольшого окошка — стол со скамейками. Илья хотел приподняться, но острая боль разлилась по всему телу.

— Ох-х-х, — простонал он и снова упал на подушку.

Только сейчас он вспомнил, что произошло: на него напали и… убили?

— Лежи-лежи, тебе еще долго лежать, — сказал мужчина и накрыл его сползшим шерстяным одеялом. — Весь израненный. Как только жив остался? Не понимаю.

— Как я здесь очутился? — сдавленно спросил Илья, когда отдышался и боль притупилась, но не отступила, продолжая терзать молодое тело.

— Приметили мы тебя на обочине, в кустах. Сперва я подумал, что ты дух испустил, и уже хотел к старосте податься, чтобы о мертвяке доложить, но тут ты голос подал и в обморок упал. Мы с дочкой тебя к нам привезли, — он окинул взглядом свой дом и остался им доволен, будто не замечал убогую обстановку.

— Вы сказали, что я целую неделю у вас, так? — Илья аккуратно приподнялся и получше осмотрел дом, в котором оказался: пол земляной, печь не побелена, на окнах — занавески из грубой ткани, на стенах висят лапти разных размеров.

— Так, — кивнул мужчина. — Знахарка наша тебя выхаживала. Каждый день по три раза приходила. Жар у тебя был сильный, раны воспалились, загноились.

— Погодите-ка, а где мой чемодан? — спохватился Илья. — Там у меня все необходимое.

— Не было при тебе ничего. Мы даже имени твоего не знали.

— А паспорт? В кармане паспорт был? — он приподнял одеяло и обнаружил, что раздет до исподнего, а вся грудь перемотана тканью, от которой исходит терпкий запах тысячелистника.

— Ни паспорта, ни гроша — ничего нет, — помотал он головой. — Меня Захаром звать, а дочку мою — Варварой. Сейчас она корову доит. Если тебе есть нельзя, то хоть молока парного попьешь. Пойду знахарку позову.

Он поднялся, убрал нож, которым раскалывал лучину, и направился к двери, а Илья глубоко вздохнул и принялся разматывать повязку, чтобы оценить свое состояние. Увиденное ему не понравилось.

— Похоже, это конец, — выдохнул он, рассматривая воспаленные багровые раны, из которых сочился тягучий гной.

Глава 2

Полина с радостью собиралась на работу. Первую работу в своей жизни. Ее взяли ассистентом преподавателя по русскому языку и литературе. Сегодня она познакомится с преподавателем и узнает свои обязанности.

— Ты сообщила отцу, что устроилась на работу? — в дверях появилась Елизавета, которая с самого утра была разряжена, как кукла: вся в кружевах, с завитыми локонами и ярко-алыми губами.

— Пока нет. Сначала надо все выяснить. Если честно, то я даже не знаю, сколько мне будут платить. Постеснялась спросить, — ответила девушка, придирчиво рассматривая себя в зеркале.

— Странная ты, конечно. Первым делом надо было спросить о деньгах. А если твоя зарплата — сущие копейки? — Елизавета прошла в комнату и опустилась в кресло у окна.

— Пусть, — равнодушно ответила Полина и сняла брошь в виде птицы, хвост которой был сделан из драгоценных камней. Она посчитала, что нужно быть скромнее и не демонстрировать благосостояние. Отец продолжал регулярно пополнять ее счет, где накопилась уже довольно внушительная сумма, но Полина тратила мало. Тетка не брала ни копейки за проживание в ее доме и водила их с братом по ресторанам за свой счет.

— Я тебя не понимаю. Чем плохо высыпаться, заниматься тем, что нравится, и не выполнять ничьих приказов? Зачем тебе работать? — Елизавета неодобрительно покачала головой.

— Мы уже обсуждали это, — Полина сняла золотые серьги с бриллиантами и надела скромные серебряные в виде розы. — Я хочу чем-то занять себя и быть полезной другим. В Иркутске я часто бывала на фабрике и занималась бумажными делами папы, но здесь мне очень скучно.

— Как может быть скучно, если мы завалены приглашениями на званые обеды и ужины? Если нас рады видеть на каждом балу? Если каждый только и ищет повода, чтобы напроситься к нам в гости и пообщаться с тобой? — всплеснула руками графиня.

— Ах, тетушка, ты меня совсем не понимаешь, — покачала головой Полина, с тоской взглянув на женщину. — Мы разные. Ты привыкла к такой жизни и не видишь в ней ничего зазорного, но я жила совсем по-другому. Бывало, дома даже на кухне помогала, а здесь меня твой повар гонит и не дает ничего делать. Служанки застилают постель, едва я поднялась. Все так и сверкает от чистоты, но мне нужно чем-то заниматься. Иначе я просто зачахну.

— Чтобы не чахнуть, не обязательно работать, — Елизавета была непреклонна. — Можно нанять репетитора и изучить другой язык. Вступить в женскую организацию, которая проводит благотворительные балы, и собирать деньги для бедных. Или стать попечительницей детского дома. Много чем можно заниматься, но при этом не становиться чьей-то девочкой на побегушках.

Полина ничего не ответила. Уже не первый день тетка отговаривала ее идти на работу, но девушка не отступала. Она гордилась Степой и очень хотела соответствовать ему. Она знала, что он помог остановить болезнь и уже должен вернуться в Москву. Ей очень хотелось похвастаться новой работой и доказать ему, что она не одна из тех дочерей богатеев, которые изнывают от тоски или пускаются во все тяжкие от безделья.

— Мне пора. Нужно в девять быть в гимназии, — Полина взяла сумочку, перевязанные бечевкой книги и двинулась к двери.

— Я с тобой, — Елизавета поднялась и торопливо пошла за ней.

— Зачем? — Полина остановилась в дверях и удивленно посмотрела на тетку, которая обычно в это время еще спала.

— Хочу, чтобы твой непосредственный начальник знал, кто ты такая и кто стоит за тобой, — вздернув подбородок, ответила Елизавета и полюбовалась собой в зеркале Полины.

— Только не это, — выдохнула девушка. — Ты меня только опозоришь.

— Не говори ерунды. Поехали, — Елизавета прошла мимо нее и, приподняв подол платья, начала спускаться по лестнице. — Ты же знаешь, что я сделаю так, как решила. Сначала зайду к директору гимназии, а потом к преподавателю. Пусть все знают, что ты племянница графини Демидовой и дочь промышленника Базарова.

— Зря ты это затеяла, — Полина нехотя последовала за ней.

— Ничего не зря. Я прекрасно знаю, как в этих гимназиях обращаются с тем, кто ниже по положению. Сама там училась.

Полине ничего не оставалось, как с тяжелым сердцем согласиться с теткой. Они вышли из дома, сели в карету и поехали в женскую гимназию.

***

Я помог Ярову отвезти его вещи в лабораторию, которая находилась неподалеку от академии и делила одно здание с крупной государственной аптекой.

— Часть моих изобретений продаются здесь, — с гордостью сказал академик и кивнул на соседнее крыльцо. — Мои витаминные порошки расходятся как горячие пирожки.

— У вас своя лаборатория, — восхитился я, прочитав надпись над дверью: «Химико-фармацевтический кабинет академика Г. З. Ярова». — Как вы этого добились?

— Признаюсь, было трудно. Пришлось побегать по различным кабинетам. Кому-то на стол легли дорогие подарки, кого-то пришлось припугнуть высокими связями, но я своего добился. Уже десять лет работаем. Хочешь заглянуть?

— Конечно! — загорелся я.

Яров отпер дверь своим ключом и зашел первым.

— Проходи и захвати с собой одну из коробок! — прокричал он из глубины здания.

Я взвалил на плечо коробку, внутри которой звякнула посуда, и зашел в полутьму. Пока глаза привыкали, я принюхался и почувствовал многосоставный запах, в котором угадывался горьковатый дух полыни, сладкая тяжесть камфоры, резкость уксуса и терпкость эфирных масел, смешанных со спиртом.

Проморгавшись, первым делом увидел тяжелые дубовые шкафы, потемневшие от времени. Часть шкафов была со стеклом, за которым виднелись склянки с надписями.

В центре стоял массивный деревянный стол, покрытый листом светлого металла. На нем теснились ступки разных размеров, аптекарские весы с латунными чашами и гирьками. Рядом в металлических лотках лежали пинцеты, шпатели, воронки с узкими носиками.

Я прошел мимо стола и увидел за перегородкой довольно необычную печь: в кирпичную топку был вмурован медный куб, который соединялся со змеевиком, проходящим сквозь кадку с водой и заканчивающимся приемником, под которым стояла стеклянная колба.

— Это перегонная печь, — пояснил академик, показавшись из комнаты, что находилась слева. — Сегодня выходной день, но обычно здесь очень шумно, и в воздухе будто облако висит от пара. Вытяжка не справляется, — он указал на колпак над печью, от которого шла труба на улицу. — Говорят, есть вытяжки с мощными вентиляторами, но у меня пока нет средств на совершенствование. Большинство наших экспериментов заканчиваются крахом, — Яров печально вздохнул и покачал головой.

Я заметил пучки трав, свисающих с веревок, что были натянуты над печью. Сразу узнал лаванду, ромашку, зверобой и тысячелистник. Остальные мне были неизвестны.

На стенах висели плакаты с густым, мелко написанным текстом.

— Это фармакопея, — пояснил академик, заметив мой интерес. — Официальный свод стандартов, по которым определяем качество лекарств. Здесь прописано, как готовить и хранить.

— Но здесь не по-русски, — я попытался прочесть, но не понял ни слова.

— Верно. Латынь. В академии вы будете ее изучать. А вот здесь, — Яров ткнул в стопку журналов в кожаном переплете, — мы записываем каждый приготовленный состав. Вносим дату, ингредиенты, дозировку, имя добровольца, а также результат.

— Можно посмотреть? — спросил я и опустил коробку на пол.

— Да, можешь посмотреть, — немного подумав, ответил Яров. — Хотя посторонних мы не подпускаем к рабочим записям, но какой ты посторонний после всего, что мы с тобой прошли, — подмигнул он мне и протянул журнал, лежащий сверху.

Я перевернул обложку и вслух прочитал первую запись:

— «Порошок с ипекакуаной для отхаркивания». Двенадцатого октября. Состав… Здесь все на латинском, — я поднял взгляд на академика, который открыл коробку и начал расставлять посуду и инструменты по местам.

— Ингредиенты мы всегда, как и положено, пишем на латинском языке.

— Так, дальше, — я вчитался в мелкий, но аккуратный почерк с витиеватыми буквами. — «Испытуемый — купец Николай Васильевич Петров сорока двух лет от роду. Пациент жаловался на длительный упорный кашель без мокроты. После первого приема начал отходить кашель, но также началась рвота. Дозу уменьшили на четверть, и рвота прошла, а кашель продолжил обильно выходить. После пяти дней лечения самочувствие улучшилось. Лаборант Завьялов». Интересно, — я перевернул страницу и принялся читать следующую запись, сделанную третьего ноября.

Проводили эксперимент над отставным пятидесятивосьмилетним солдатом Соколовым, у которого была застарелая травма колена. С помощью ингредиентов, которые остались для меня загадкой, ему пытались убрать боль, долгие годы мучающую по ночам. Результат был описан следующий: заметное снижение боли, сонливость, признаков отравления нет. После прекращения лечения боль вернулась через три дня. Подпись поставил лаборант Орлов К. В.

Яров что-то говорил, но я так увлекся чтением, что не обращал на него внимания, опустившись на табурет. Следующим экспериментом была мазь от язв и ран на жировой основе. Из всех ингредиентов я смог понять, что в мази использованы растительные масла, воск и смолы. Испытуемым был крестьянин Федоров Т. Г. тридцати четырех лет. Судя по записи, он получил поверхностные ожоги предплечья. В примечании было написано, что мазь приготовлена на водной основе и профильтрована через льняную ткань. При нанесении мазь жжения не вызвала. На второй день отмечалось уменьшение гиперемии, и края раны стали чище. Подписался помощник лаборанта Лебедев А. Н.

Я снова перелистнул страницу, но тут Яров меня окликнул:

— Степа, заноси еще коробки. В следующий раз почитаешь.

Нехотя отложив журнал, взялся помогать академику. Вдвоем мы быстро разложили все по местам и поехали в Выселки. Анатолий Ренатович на извозчике уехал сразу с вокзала, поэтому, когда я прибыл в Выселки, меня уже ждали за празднично накрытым столом деревенские жители. Как оказалось, слава бежала впереди нас, и в газетах уже написали, что эпидемия закончилась благодаря академику, лекарю, студенту и егерю.

***

Архимонах «Лика Истинного» с удивлением прочел, что эпидемия завершилась. И еще большее удивление вызвала новость о том, что к этому причастен ненавистный ему Устинов.

— Как же ему это все удается? — задумчиво проговорил он, глядя на распахнутый разворот газеты. — Ничего не понимаю.

— Вы что-то мне сказали? — спросил служитель, протирающий пыль с табличек с глазом Истинного.

— Нет, сам себе, — отмахнулся от него Прокопий и посмотрел на часы.

Сегодня наконец-то должны освободить Антона Громова, после чего Харитон сразу привезет его в Святилище. Архимонаху не терпелось поговорить с начальником своей охраны, ведь он знал, что Громов сначала в нападении обвинил его — самого главу ордена. Правда, потом он забрал свои слова обратно и заявил, что дал их под действием шока, возникшего после того, как он попал в невиновного. Но это объяснение совсем не устраивало Прокопия. Он чувствовал, что здесь кроется какая-то тайна.

— Ваша святость, может, хотите пообедать? — подал голос служитель, когда навел порядок и освежил кабинет.

— Хочу, но позже. Сейчас должен приехать Антон. Дождусь его.

— Как угодно, — служитель с поклоном вышел, и в кабинете наступила тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов.

Архимонах словно завороженный смотрел на секундную стрелку. Вскоре ему стало казаться, что она намеренно замедлила ход. Минута за минутой проходили, но шагов по лестнице не было слышно. Когда архимонах уже решил, что желудок важнее, а Громов может подождать, послышались быстрые приглушенные шаги. Кто-то поднимался по винтовой лестнице.

Прокопий поправил на груди медальон, убрал со стола газету и, сцепив пальцы, выжидательно уставился на дверь. Шаги приблизились, после чего послышался осторожный стук.

— Заходи! — громко ответил архимонах.

Дверь с еле слышимым скрипом открылась, и в проеме показался Антон Громов. Выглядел он неважно: осунулся, под глазами — синева, на лице — щетина, и одежда помята.

— Добрый день, ваша святость. Позволите войти?

— Входи, Антон, и плотно закрой за собой дверь, — велел Прокопий.

Громов сделал, как ему было велено, и подошел к письменному столу главы ордена, не решаясь сесть без приглашения.

— Садись и рассказывай, — архимонах смерил его долгим подозрительным взглядом, от которого Громову стало не по себе. Он совсем иначе представлял их встречу.

— Меня схватили, когда я хотел…

— Об этом я все знаю, — нетерпеливо махнул рукой Прокопий. — Мне непонятны две вещи. Первая: как ты умудрился промазать с такого близкого расстояния? И вторая: как ты позволил мальчишке схватить себя?

Громов был готов к этим вопросам, но теперь никак не мог собраться с мыслями. Он сотни раз прокручивал в голове то, что произошло, и сам не до конца разобрался с тем, как именно все случилось.

— Я целился прямо в лоб, но в последнюю секунду, когда спусковой крючок уже был нажат, Устинов пригнулся. Это произошло так быстро, что я опешил и на мгновение замешкался. Устинов сориентировался гораздо быстрее и просто за долю секунды оказался рядом со мной, а потом… потом последовали точные удары по болевым точкам. Я сам учу своих подчиненных этим приемам.

— Откуда же этот деревенский неотесанный лапоть мог знать эти приемы? — прищурился архимонах, не спуская пытливого взгляда с Антона.

— Не знаю. Может, показал кто? — пожал плечами Громов.

— То есть если ты мне сейчас их покажешь, то я смогу пойти против сильного воина вроде тебя и уложить его на лопатки?

— Нет… наверное, — замялся Антон.

— Тогда эта твоя версия несостоятельна. Давай следующую, — архимонах продолжал буравить взглядом начальника стражи, а тот почувствовал себя ребенком перед грозным учителем.

— Мы про Устинова почти ничего не знаем. Возможно, кто-то из его ближайшего круга владел боевыми искусствами или…

— Громов! Устинов вылез из леса! — взревел архимонах, который больше не смог сдерживаться. — Какие боевые искусства?! Мужик в лаптях его этому научил?! Если ты про него ничего не знаешь, то я успел узнать достаточно. Сирота он и с малолетства был при наставнике, который драл его как сидорову козу, пока не помер.

Громов опустил глаза, ожидая, когда ярость архимонаха спадет, ведь он знал, насколько он бывает вспыльчив, но, к счастью, отходчив.

— Фух-х-х, у меня будет сердечный приступ из-за вас, олухов, — выдохнул Рязанов и провел рукой по лицу. — Что дальше было?

— Меня схватили и повезли…

— Что ты рассказал городовым?

— Ничего не говорил, молчал, — ответил Громов и почувствовал, как щеки краснеют, ведь отлично помнил, как сдал Прокопия с потрохами, сам не понимая почему, и решил в этом сознаться. — Но сначала… вас оговорил. Наверное это был шок. Потом, когда пришел в себя, забрал свои слова обратно.

— Шок, говоришь. Ну-ну… Как же тебя выпустили?

— Не знаю. Пришли и сказали, что свободен. Харитон меня встретил и сюда привез.

— Ясно, — с раздражением выдохнул Прокопий. — Иди пока. Потом подумаю, что с тобой делать.

Антон развернулся и быстро вышел из кабинета. Только когда дверь архимонаха за ним закрылась, он с облегчением выдохнул и не спеша спустился вниз, где его ждали Андрей и Харитон.

— Ну что? — бросился ему навстречу встревоженный Андрей. — Что сказал его святость?

— Сказал, что потом подумает, что со мной делать, — Антон явно был в плохом настроении. Он чувствовал холодность архимонаха и не знал, что ему уготовано.

Андрей и Харитон переглянулись. Они знали, что архимонаху стало известно о том, что Громов его сдал.

— Куда ты теперь? — спросил Харитон, протягивая ему табакерку с нюхательным табаком.

Антон отказался, мотнув головой, и посмотрел на своего коня, привязанного к жерди.

— Домой. Домашние еще не знают, что меня освободили.

— Как думаешь, он тебя уволит? — вполголоса спросил Харитон и мельком взглянул на окно в кабинете Прокопия.

— Не знаю. Так будет даже лучше, ведь ты сам знаешь, как решает проблемы наш архимонах, — Громов многозначительно посмотрел на друга, имея в виду, что все враги главы ордена мертвы.

— Нет, он с тобой так не поступит, — ответил мужчина, но уверенности в его голосе не было.

— Увидим, — Антон похлопал по плечу Андрея, отвязал лошадь и поскакал в сторону дома.

Андрей и Харитон смотрели ему вслед, чувствуя, как к горлу подступает ком. Оба знали, что Антон прав — архимонах не прощает обид.

***

Полина с удивлением обнаружила, что преподаватель русского языка и литературы не женщина, а молодой привлекательный мужчина с правильными чертами лица, копной светлых вьющихся волос и умными зелеными глазами. Он очень понравился Елизавете, которая тут же начала кокетничать с ним и зазывать в гости. Полине с трудом удалось отправить тетку поздороваться с начальницей гимназии и обсудить с преподавателем свои обязанности.

— Беру свои слова обратно, — заявила Елизавета, едва они сели в карету, чтобы поехать на обед. — Эта работа тебе очень подходит. А какой у тебя начальник, — она мечтательно закатила глаза. — Ради такого даже я бы пошла работать. Красавец!

Женщина разрумянилась, говоря о преподавателе, и, вытащив из сумочки веер, начала обмахиваться.

— Не понимаю твоего восхищения, — пожала плечами Полина. — Главное, чтобы он был хорошим преподавателем и чтобы мы нашли общий язык, ведь будем вынуждены много времени проводить вместе.

— Полинка, какая ты скучная, — нахмурила брови тетка. — Ты будешь работать с молодым интеллигентным мужчиной из хорошей семьи…

— Откуда ты знаешь, из какой он семьи?

— Спросила. У него отец — профессор, а мать — из дворянского рода. Живут почти в центре Москвы, в своем особняке. Именно такой муж тебе нужен.

— Тетушка, я только с ним познакомилась, а ты уже замуж меня за него выдаешь?! — возмущенно воскликнула Полина.

— Я намного старше тебя и прекрасно вижу все возможности. Для тебя этот Евгений Владимирович является идеальной партией. Ты приглядись к нему, а я буду делать все, чтобы вы встречались как можно чаще в неформальной обстановке, — заговорщически прошептала Елизавета.

— Тетушка, я предупреждаю, что, если ты не угомонишься, я съеду от тебя и обратно ты меня никаким пряником не заманишь, — Полина строго посмотрела на нее. — Если тебе так понравился Евгений Владимирович, то сама выходи за него.

— Я не могу, — снова вздернула она подбородок привычным жестом. — Я ценю свою свободу, а тебе надо думать о будущем. Ты должна своему отцу нарожать хотя бы пяток внуков, и с этим лучше не затягивать.

— Почему же ты сама ни одного не родила?

— Не забывай, у меня, в отличие от тебя, был старый муж, который не то что детей делать, себя с трудом обслуживал. А рожать от кого попало я не стала, потому и осталась свободной, привлекательной женщиной. Ты даже представить себе не можешь, сколько раз ко мне сватались, но я больше не готова посвящать жизнь только одному мужчине, — Елизавета улыбнулась, взглянув на себя в зеркало, которое висело в карете. — Я хочу пробовать разных.

— И ты мне будешь говорить про замужество и пятерых детей? — прыснула Полина. — Все, на этом тема закрыта. Я запрещаю тебе устраивать мою жизнь. Сама разберусь.

— Это мы еще посмотрим, — еле слышно ответила Елизавета и снова улыбнулась.

***

Илья наблюдал за тем, как девушка-знахарка с невероятно большими черными глазами качала головой, разглядывая раны.

— Еще хуже стало, — будто сама себе прошептала она. — Придется действовать иначе.

— Позовите лекаря. У них есть все необходимое, чтобы обработать раны. К тому же не мешало бы зашить, — подал голос Илья и посмотрел на Захара, в доме которого лежал.

— Нету тута лекарей. Во всей округе не сыскать, — развел он руками.

— Не может быть. Я был в постоялом дворе у тракта. Там много поселений, и лекари есть. Я это точно знаю.

— Так ты с тракта, что ли, до нас дошел? — удивился мужчина. — До него же два дня пути, если по прямой через лес.

— Как два дня? — упавшим голосом проговорил Илья. — Зачем же меня они так далеко увезли, если напали во дворе постоялого двора?

— Ты сам пришел, — ответила знахарка. — На тебе полно царапин и колючек. Весь комарами был искусан. Все лицо опухшее. Пришлось примочки сделать, чтоб на человека стал похож.

— Сам? Не может быть. Я помню, как на меня напали и как потерял сознание, а дальше… дальше я просто очнулся здесь, — Илья был растерян.

— С этим потом разберемся, а пока тебя вылечить надо, а то раны плохие. Помереть можешь, — сказала знахарка, поднялась с колен и повернулась к Захару. — Топи баню, а я пойду Лешего звать.

Илья не мог поверить своим ушам.

— Кого вы звать собрались? — осторожно спросил он.

— Лешего — хозяина леса. Он, если захочет, поможет.

Знахарка вместе с Захаром вышли из дома, а Илья понял, что если ему не окажут медицинскую помощь, то жить ему осталось совсем недолго.

Глава 3

Исаков Григорий Валерьевич, директор Медицинского департамента, сидел в мягком кресле и внимательно читал доклад, который отправил ему губернатор Причерноморской губернии.

В докладе черным по белому было написано, что эпидемия началась из-за растения, семена которого оседали в горле потерпевших и вызывали сильнейшую интоксикацию. Обычные методы лечения оказались бесполезны, поэтому из-за болезни умерли двадцать восемь человек. Губернатор также сообщал, со слов главы города и главного врача Центральной городской больницы города Краснодара, что растение нашли и уничтожили местный егерь Ермолин Иван Кузьмич и студент медицинской академии Устинов Степан Алексеевич. Выздоровление пострадавших совпало с уничтожением растения, из чего сделали вывод, что семена, потеряв связь с растением, перестали вызывать негативные последствия.

Вся эта история была настолько неправдоподобной, что Григорий Валерьевич три раза прочел доклад, чтобы удостовериться, что он все понял правильно.

— Ерунда какая-то, — выдохнул он, бросил доклад на стол, поднялся и подошел к высокому арочному окну, из которого виднелась статуя одного из императоров на коне и с мечом в руке.

Он часто смотрел на статую, когда не знал, как поступить, и временами ему казалось, что именно она помогала принимать решения.

— Что же делать? Расследование учинить или так все оставить? — спросил он сам себя и провел рукой по лицу.

О том, что в империи не раз сталкивались с довольно необычными растениями и существами и эти встречи часто документировали, Исаков знал, поэтому склонялся к тому, что история с растением и эпидемией может быть правдой. Вот только император напрочь отвергал любую магию и, соответственно, магических существ. Если его как главу Медицинского департамента император спросит о случившемся, то будет очень недоволен этим ответом. Надо придумать что-то более правдоподобное. Но для этого нужно пригласить того, кто был там и видел все своими глазами — академика Ярова Георгия Захаровича.

— Сережка, зайди! — крикнул он в сторону выхода.

Дверь почти мгновенно открылась, и показалось лицо его секретаря, который также являлся сыном его лучшего друга.

— Звали, Григорий Валерьевич? — бодро спросил он, смахивая с сюртука крошки только что съеденного пирожного.

— Отправь посыльного к Ярову. В записке напиши, что я велел явиться ко мне на обед.

— Повод указать? — деловито уточнил секретарь.

— Нет. Он и сам поймет, — Исаков отвернулся к окну, и ему показалось, что статуя императора подмигнула.

***

— Мы снова вместе, как в старые добрые времена, — с довольным видом проговорил Сергей.

Мы втроем шли по улице прогулочным шагом после вкусного обеда в ресторане «Белый лебедь».

— Мне тоже этого не хватало, — Полина с теплом посмотрела на меня. — Как хорошо, что закончилась эпидемия, а то я очень переживала за папочку. Он ведь не молодеет.

— А все благодаря нашему способному и очень талантливому другу Степану, — Сергей похлопал меня по плечу. — Молодчина! Горжусь безмерно!

— Да ладно вам. Это все удачное стечение обстоятельств, — отмахнулся я.

— Ты не прав. Девочка, конечно, сыграла не последнюю роль во всем этом, но она знала, что нужно обращаться к тебе, так как никто другой ее бы не послушал и тем более не поверил бы, — Сергей указал на сквер со скамейками по правую руку и первым повернул к нему.

— Без Кати я бы даже не понял, что происходит, ведь мои руны оказались бессильны. Они дарили лишь временное исцеление, — мне нелегко было признаваться в том, что я чуть не провалил это испытание. Сущность могла одержать вверх и унести много жизней.

— Ну-у, ты же не можешь быть всесильным, — развел руками Сергей, смахнул опавшие листья и опустился на скамью с коваными ножками. — А еще я очень горжусь, что ты студент академии. Ты смог обойти многих, и, пусть это нескромно, я имею к этому непосредственное отношение.

— Ты прав. Вы с Полиной многому меня научили.

Я взял руку девушки и поцеловал. Мне хотелось большего, но я не мог скомпрометировать ее, ведь вокруг было много людей, которые так же, как и мы, прогуливались и не спеша беседовали.

— Осталось пять дней до начала учебы. Ты уже купил все необходимое? — спросила Полина, прижавшись ко мне.

Мы сидели рядом друг с другом, и от этой близости мне становилось так тепло на душе, что я бы не хотел с ней никогда расставаться. Однако о том, чтобы сделать ей предложение, не могло быть и речи. Мне семнадцать лет. У меня нет своего дома, нет работы, нет капитала. Единственное, что есть — подарки благодарных излечившихся и небольшая сумма, которая постепенно таяла. Возможно, в скором времени мне придется задуматься о том, чтобы найти работу.

— Степа, а ты где собираешься жить? В Выселках? — спросил Сергей.

— Нет, не хочу пользоваться добротой Калининых. Мне предоставят общежитие, которое к тому же находится через дорогу от академии, поэтому не придется ездить.

— Я тоже не могу жить с тетушкой, которая думает, что может указывать мне, как жить. Вчера съехал от нее на съемное жилье и наконец-то вздохнул полной грудью. Свобода — такое пьянящее чувство, — он самодовольно улыбнулся и махнул рукой пареньку, продающему соленую закуску к пиву. — Корюшки дай один кулек, — попросил он и подкинул парню в руку монету.

— Ты съехал и не подумал обо мне, — буркнула Полина. — Теперь вся нерастраченная материнская любовь направлена на меня. Я засыпаю под рассказы о ее похождениях и просыпаюсь от нравоучений. Она даже взялась контролировать мой внешний вид и сама каждый день готовит мне наряд, в котором я должна ехать на работу в гимназию.

— Как твоя работа? — спросил я. — Нравится?

— Пока нравится, — кивнула девушка, но в глазах поселилась грусть.

— Что такое? — вмиг насторожился я, уловив изменение в настроении.

— Учеба пока не началась, и в гимназии находятся только работники. Я переживаю, что мне будет неловко при гимназистках.

— Что ж тут неловкого? — удивился Сергей. — Делай свое дело и не обращай внимания на других.

Полина пожала плечами и задумчиво посмотрела вдаль. Ее явно беспокоило что-то еще. Я не стал ее расспрашивать при брате. Спрошу, когда останемся вдвоем.

— А вон и наша карета. Кучер явился вовремя, — Сергей указал на шикарную карету с тройкой графини Демидовой, остановившуюся неподалеку.

Мы поднялись со скамеек и двинулись к карете.

— Степа, ты о нас не забывай. Держи мой новый адрес, — Сергей протянул мне свою визитку. — Если что понадобится или просто нужен будет собутыльник, я всегда буду тебе рад, — он рассмеялся и пожал мне руку.

Полина с укоризной посмотрела на брата и, несмотря на то, что на нас с интересом поглядывали, крепко обняла меня, но от моего поцелуя увернулась.

— До свидания, Степа. Мне бы хотелось видеться с тобой намного чаще. Ты знаешь, где я живу. Приходи в любое время, буду ждать.

— Непременно приду, — заверил я, помог подняться в карету и махнул рукой Сергею.

Друзья уехали, а я двинулся к академии в надежде, что уже вывесили расписание, но стена объявлений оказалась пуста. С нее убрали все листки и оттерли клей.

— Степа! — услышал крик за спиной.

Ко мне спешил тот самый уборщик, которого я спас от Рачкова, или, вернее сказать, не уборщик, а корреспондент «Обзора губернии».

— Здорово, Кирилл! — я пошел ему навстречу и пожал протянутую руку. — Как ты? Рана не тревожит?

— Нет, не тревожит. Благодарю за лечение, — раскланялся он, сияя, будто увидел не меня, а кого-то очень важного и значимого. — Читал о тебе в «Вестнике». Это просто потрясно! Ты победил эту жуткую болезнь!

— Было дело, — кивнул я.

— Такая удача, что я тебя встретил. Дашь мне интервью? — с надеждой спросил он.

— Особо нечего рассказывать. Академик Яров уже рассказал все журналистам из «Вестника».

— Меня этот академик совсем не интересует, — мотнул головой Кирилл. — Я знаю, что все сделал ты. Если ответишь на мои вопросы, я буду тебе очень благодарен. Могу даже поделиться своей премией, которую обязательно выпрошу у главного редактора.

Я вытащил карманные часы и посмотрел время.

— Вообще-то у меня есть пару часов…

— Отлично! Пошли в трактир. Я тебя угощу, а ты мне расскажешь, что там было, — оживился Кирилл, прислонил швабру к стене и пошел вперед меня. — Кстати, я решил остаться в академии. Уверен, здесь будет много интересного происходить. Ведь здесь учится сам сибирский знахарь-духогляд Устинов, — он распахнул передо мной дверь.

— А я очень надеюсь, что ничего необычного происходить не будет, — еле слышно ответил я.

***

Илья понимал, что травы и снадобья знахарки не помогут ему, ведь с каждым днем раны выглядели все хуже. Он чувствовал, что слабеет, и понимал, что смерть близко. Отправить отсюда весточку Степе не представлялось возможным, поэтому он решил довериться судьбе и перестать бороться. Если суждено умереть во цвете лет, значит, так тому и быть.

Дверь скрипнула, и послышались легкие торопливые шаги. Это точно была знахарка Пелагея. Илья повернул голову и встретился с ее почти черными глазами.

— Ну как ты, Илья? — спросила она, опустилась рядом с ним на колени и, отодвинув край повязки, заглянула под нее.

— Умираю, — еле слышно ответил он, ведь сил не осталось даже на разговоры.

Жизнь медленно, по капельке покидала его тело.

— Погоди умирать. Сегодня снова буду Лешего звать. Может, соизволит явиться, — она с недовольным видом покачала головой, разглядывая его грудь.

— А нельзя ли послать за доктором? — с надеждой попросил Илья.

— Пока туда, потом обратно — помрешь за это время. Обиделся Леший на меня, что в прошлый раз мало подношений принесла, вот и воротит нос. Ну ничего, сегодня он обязан явиться, а то самому же плохо будет, — грозно сказала девушка, посыпала раны сухой травой с терпким, кисловатым запахом и вновь накрыла тканью.

— Кто такой этот Леший? Травник? Знахарь? — уточнил Илья, ведь три последних дня только о нем и слышал.

— Не человек он. Увидишь — сам поймешь, — знахарка поднялась на ноги и принялась заплетать растрепанные волосы. — Ты раньше времени себя не хорони. И не таких вытягивала. Помнится, лет сорок тому назад местному мужику ногу деревом раздробило. Хотели уже отпилить, но Леший вышел и ногу заживил. Даже все шрамы прошли, которые он на войне получил. Нога как новая стала.

— Вы так уверенно об этом говорите, будто сами видели, — ответил Илья, не веря ни единому слову.

— Сама и видела, — подтвердила она. — Сама и Лешего вызывала. Бабка меня научила.

— Сорок лет назад? — с недоверием посмотрел он на нее. — Не может быть. Вам самой не больше двадцати пяти.

— Ошибаешься, голубчик, старше меня никого в деревне нет, — она завязала косу синей лентой и вышла.

Илья отвернулся к стене. Из-за жара и слабости он даже думать не мог. Не понимал, как очутился у деревни, ведь был в постоялом дворе, а тут еще какая-то девица заявляет, что она старше всех местных и может вызвать какого-то Лешего. Он решил, что Леший — это прозвище и речь идет о каком-то травнике или тоже знахаре.

Отпив из кружки травяной настойки, что стояла на табурете у его лежанки, Илья решил поспать, чтобы конец наступил быстрее. На постоянную ноющую боль в груди он уже не обращал внимания, будто она стала частью его самого.

Во всей этой ситуации ему больше всего было жаль родителей, которые никогда не узнают, что случилось с их сыном. Перед отъездом из Иркутска он написал домой письмо, в котором рассказал о своих планах и мечтах. Написал, что направляется в Москву, а оттуда — в Причерноморскую губернию. Больше они от него вестей не получат. Какое-то время он будет числиться пропавшим без вести, и родители будут надеяться, что он рано или поздно объявится, а потом поймут, что этого никогда не случится. Возможно, это даже лучше, чем точно знать, что сын мертв.

— Умирать не так уж и страшно, — прошептал он и улыбнулся.

Илья уже задремал, когда услышал скрип двери и шаги. Наверняка пришла дочь крестьянина Варвара. Обычно, когда он спал, девушка тихонько подходила к его лежанке, прислушивалась к дыханию и шла заниматься своими делами. Но сейчас все было по-другому.

— Илья, ты меня слышишь? — легонько потрясла она его за плечо.

Ему очень не хотелось тратить силы на то, чтобы открыть глаза и ответить, но Варвара была очень настойчива.

— Илья, просыпайся! Просыпайся!

С тяжелым вздохом он открыл воспаленные глаза и уставился мутным взглядом на девушку.

— Хорошо, что ты еще здесь. Тебе помогут. Пелагея велела вывести тебя на улицу, — Варвара откинула одеяло и потянула его за руку. — Давай, вставай. Я не смогу тебя вынести, сил не хватит.

— Зачем мне куда-то идти? Дайте спокойно умереть. Осталось недолго, — слабым голосом ответил Илья.

— Леший пришел. Слышишь? Леший вышел на зов Пелагеи. Стоит на краю леса и ждет.

— Какой Леший? Что за бред? Никуда не пойду. Оставь меня в покое, или сразу в могилу положите, — запротестовал он, вырвал руку и снова натянул одеяло по самый подбородок.

— Ах так?! Либо ты сам встаешь, либо я папу позову, и он тебя на плече вынесет! — пригрозила Варвара, рывком сдернула одеяло и отбросила подальше. — Вставай! Леший пришел спасти тебя!

— Как же вы мне все надоели. Леший, Леший, Леший, — передразнил Илья. — Не даете помереть спокойно. Ладно, пошли, показывай своего Лешего.

Он ухватился за край лежанки и сел, затем спустил ноги и почувствовал, что кружится голова. Все так и плывет перед глазами.

— Тебе плохо, да? — встревожилась Варвара, взяла его под руку и начала поднимать. — Потерпи немного. Потерпи, миленький. Сейчас тебя вылечат.

Илья с помощью девушки поднялся и, с трудом переставляя ноги, двинулся к двери.

Вечерело. На небе зажигались звезды, показался белый лик луны. Илья шел босиком по колкой траве, всеми силами стараясь не упасть. К счастью, Варвара была рядом и придерживала его.

— Сколько идти? — спросил Илья, заметив, что они отдалились от деревни и двигались мимо огородов в сторону леса. Вдалеке виднелись двое человек: крестьянин Захар и знахарка Пелагея.

— Ты на погост меня ведешь, — утвердительно сказал Илья. — И правильно. Положите меня в могилу, а как помру, засыпьте землей, чтобы…

— Замолчи ты, дурак! — возмутилась она. — Как не стыдно такое говорить? Мы изо всех сил стараемся тебя выходить. Чтобы живым остался, а ты… пентюх!

— Сама такая, — обиделся Илья и, прищурившись, снова вгляделся вдаль. — Лучше бы рассказала, куда ведешь, а то придумали какого-то Лешего. Нет там никого. Только батя твой и знахарка неграмотная, которая не знает, сколько ей лет, и выдумывает всякое.

— Сейчас сам все увидишь, — загадочно ответила она и ускорилась, подгоняя Илью.

Свежий лесной воздух немного взбодрил Илью, и, хотя раны продолжали болеть, а ноги тряслись от слабости, ему будто стало немного лучше.

— А вот и мы. Зачем звали? По грибы собрались? — усмехнулся Илья, когда до смиренно стоящих Захара и Пелагеи осталось не больше десяти метров.

Они ничего не ответили, а одновременно повернулись в сторону леса. Илья проследил за их взглядом и увидел кое-что странное. В полутьме виднелись золотистые огоньки, убегающие вдаль. Будто свечи горят, но так, что пламя даже не шелохнется.

— Что это? — шепотом спросил Илья и вдруг испуганно отпрянул.

По золотистым огонькам шел кто-то огромный, вдвое выше человека.

— А вот и Леший, — с облегчением выдохнула Пелагея и улыбнулась Илье. — Ты спасен.

Глава 4

Илья не мог отвести взгляда от темной фигуры, которая приближалась, задевая кроны деревьев. Это явно не человек.

— Не может быть, — выдохнул Илья и попятился, но его остановил Захар, схватив за плечо.

— Не бойся. Он зла не делает, — прошептал мужчина и еще крепче сжал его плечо.

«Я в бреду. Видать, умираю», — подумал Илья и с облегчением выдохнул.

Смерть он считал избавлением от болей и мук и ждал ее.

Когда громадное существо приблизилось, он смог его рассмотреть: ростом метра три, не меньше. Худой, словно ствол молодой березы. Все тело покрыто корой и мхом. Голова большая, и глаза такие синие и глубокие, будто в пучину заглядываешь. Вместо волос ниспадают тонкие ветки с листьями и сережками, как у березы.

— Ну точно — галлюцинации, — улыбнулся Илья, чувствуя, что на душе стало легче. — На что только не способен умирающий мозг. Удивительно. Жаль не смогу рассказать своим коллегам. Они бы лучше понимали, почему смертельно больной перед смертью становится умиротворенным, — он оглядел присутствующих, которые озадаченно смотрели на него, и продолжил. — Вы наверняка мне тоже мерещитесь. Я, наверное, лежу где-то в придорожной канаве и умираю, а самому кажется, будто я здесь.

— Сон, значит, — подала голос Пелагея, подошла к нему и «подарила» звонкую пощечину. — Ну как? Все еще спишь?

Илья не ожидал такого: щека загорелась, в голове стоял звон.

— У тебя тяжелая рука, — вынужден был признать он, прижав ладонь к лицу. — Но… я ничего не понимаю.

— Не обязательно понимать. Главное — верить, — нравоучительно сказала она и низко поклонилась неведомому существу.

Ее примеру последовали Варвара и Захар. В ответ существо издало протяжный горловой звук, отдаленно напоминающий мычание коровы. Пелагея с довольным видом кивнула и отошла в сторону.

Я проследил за ней взглядом и увидел, что знахарка направилась к овце, привязанной к дереву. Овца щипала траву и размеренно жевала ее, перетирая нижней челюстью.

— Что происходит? — шепотом спросил я у Захара, когда Пелагея отвязала ее от дерева и потянула за веревку к существу.

— Подношение Лешему, чтобы задобрить, а то может рассердиться, — прошептал в ответ Захар.

Овца, видимо, что-то поняла, поэтому испуганно заблеяла и стала упрямиться, одновременно пытаясь вырваться.

— Ишь какая, с норовом, — пропыхтела Пелагея, продолжая тащить овцу, которая намеренно не передвигала ногами и мотала головой. — Иди, кому говорю! Все равно не убежишь.

На помощь ей пришла Варвара. Вдвоем они подтащили овцу к ногам страшилища, которое продолжало таращить на присутствующих свои огромные синие глаза, виднеющиеся между ветками.

— Прими в дар, — Пелагея прижала руку к груди и низко поклонилась существу.

Тот опустил взгляд, какое-то время осматривал испуганно блеющую овцу, затем протянул руку, похожую на толстую ветку с острыми сучками, и схватил ее.

— Бе-е-е-е! Бе-е-е-е! — продолжало блеять животное, когда он без особого труда оторвал ее от земли, поднес к глазам и, еще раз осмотрев, впихнул туда, где должен быть рот, но его лицо густо покрывали тонкие ветки, поэтому нельзя было разглядеть.

Послышался омерзительный хруст, и овца замолчала. Леший принялся жевать с чавканьем, проталкивая безжизненную тушу все глубже в рот.

Илья, у которого до сих пор пылала щека после пощечины, с ужасом наблюдал за тем, как существо за пару минут съело взрослую овцу. Притом на землю не упала ни капля крови, ни клочок шерсти.

Когда чавканье прекратилось, Леший посмотрел на знахарку, и Илье показалось, что между ними возник какой-то мысленный разговор. Пелагея в упор смотрела ему в глаза, потом подняла руку и показала на меня. Существо чуть склонилось и оценивающе посмотрело на меня.

— Может, нам всем лучше уйти отсюда, и как можно скорее? — испуганно прошептал молодой лекарь, который не хотел оказаться на месте овцы. Он решил, что лучше умереть от ран, чем во рту твари.

— Не бойся. Он тебе вреда не причинит, — ответил Захар и попытался улыбнуться, но получилось плохо. Ему тоже было не по себе.

Леший сделал какой-то знак Пелагее, и та понимающе кивнула.

— Он просит, чтобы ты лег у его ног, — передала она Илье.

— Еще чего. Никогда, — Илья хотел вырваться и бежать отсюда, но Захар держал крепко.

— Ложись у его ног, иначе мне придется применить силу. Тебе такое точно не понравится, — пригрозила знахарка.

— Лучше убей меня сразу, но не позволяй мучить перед смертью, — взмолился Илья, чувствуя, как холод пробегает по спине от одного взгляда опасного существа.

— Никто тебя не собирается убивать. Леший тебя вылечит. Ложись! — прикрикнула на него Пелагея.

Захар повел упирающегося Илью к существу. А тот почувствовал себя той самой овцой, от которой не осталось даже копыт.

— Ну ладно. Будь что будет, — выдохнул Илья, когда Захар хотел насильно его уложить, но молодой человек сам это сделал.

Зажмурившись и сцепив пальцы на груди, он начал ждать своей страшной участи, но время шло, и ничего не происходило.

Илья приоткрыл глаза и увидел, что Леший стоит перед ним, опустившись на одно колено, и горизонтально держит ладонь, в которую по веткам стекают капли, похожие на росу.

Знахарка тоже подошла к Илье и принялась снимать повязки с груди.

— Что происходит? — шепотом спросил у нее лекарь.

— Лежи и не двигайся, — сказала она, проигнорировав его вопрос.

Сверкающие росинки продолжали наполнять ладонь гиганта, который замер и внимательно следил за тем, чтобы ни одна капля не пролилась мимо. Илья же смог внимательнее его рассмотреть, хотя на улице стало еще темнее.

Между тонкими ветками, закрывающими его лицо, виднелись белоснежные острые клыки, похожие на бивни. Шея была настолько тонкая, что оставалось загадкой, как она удерживала большую голову. Руки и ноги будто были сплетены из тончайших веток. А запах… От существа исходил приятный запах — аромат леса: свежие нотки молодой зелени, будто только что растер листок между пальцами, теплый запах смолы, мягкая горчинка коры и мха, тонкий, землистый грибной оттенок, сладость ягод и цветов, прохлада, какая бывает после дождя.

Илья вдруг понял, что перестал бояться Лешего. Наоборот, доверял ему всецело и очень надеялся на его помощь.

Когда ладонь наполнилась росой примерно наполовину, Леший поднес руку к Илье и вылил прохладную воду на его раны. Тот почувствовал легкое покалывание. Следом раздался утробный, но тихий гул, доносящийся будто из недр земли. Но Илья понимал, что этот звук идет от существа.

Покалывание прошло, уступив место жару, будто горячим воском облили. Илья терпел и не шевелился, хотя очень хотелось провести рукой по груди и убрать жар. Вдруг его внимание привлек свет, который исходил от него самого: приподняв голову, ошеломленный Илья увидел, что вся его грудь покрыта тонкими серебристыми нитями, которые стягивают края раны и будто гасят воспаления, ведь кожа из рыхлой, опухшей и красной становилась нормальной и принимала обычный вид.

Гудение так же внезапно прекратилось, как и началось. Леший поднялся с колена, развернулся и двинулся вглубь леса. Золотистые огоньки пропадали вслед за ним. Вскоре их окутала темнота.

— Вот и все. Ты здоров, — сказала довольная Пелагея и потянула Илью за руку, помогая подняться.

Лекарь встал и посмотрел на грудь. Она уже не светилась, раны затянулись, а серебряные нити побледнели и стали похожи на прожилки листьев.

Не говоря ни слова, Илью повели обратно к деревне, в которой виднелись не больше двадцати домов. Захар отвел ослабленного Илью в горячую баню, где помог помыться и попарил березовыми вениками. Варвара за это время приготовила ужин и поставила перед Ильей большую тарелку с молочной кашей, в которой плавал желтый кусок масла. Пелагея налила в кружку травяной отвар и велела лечь.

Илья пытался с ними поговорить, побольше разузнать о деревне и Лешем, но его будто не слышали. Никто не отвечал на вопросы.

— Ну и ладно, — буркнул он, укрылся одеялом и крепко заснул.

***

— Эй, парень! Ты меня слышишь? Живой али помер? — кто-то грубо тряс Илью за плечо.

Он открыл глаза и увидел, что над ним нависает незнакомый бородатый мужик.

— Живой, — ответил он сиплым после сна голосом и приподнялся.

Вокруг — кареты и повозки. Сзади — высокая стена из частокола.

— Ничего не понимаю, — он поднялся на ноги и увидел, что находится на территории постоялого двора, где на него напали. — Ничего не понимаю, — повторил он, осматриваясь.

Илья никак не мог сообразить, как здесь очутился, ведь лег спать в доме Захара после встречи с Лешим.

— Разбойники на нас ночью напали. Одного удалось схватить, двое сбежали. Хорошо, что добро не успели схоронить. Поди глянь, может, твое что-то там есть, — мужчина указал на толпу мужчин, гудящих под навесом.

Илья, пошатываясь, двинулся к ним и вскоре заметил на столе сумки, чемоданы и рюкзаки. Их раздавал работник постоялого двора, после того как хозяин сумки озвучивал, что внутри. Среди вещей Илья узнал свои. Даже паспорт там был.

Он забрал два своих чемодана и паспорт. Правда, денег, что вынули из его карманов, никто не вернул. Но Илья не расстроился, ведь в кармане была только мелочь на дорогу, а на самом дне чемодана в исподнем были завернуты основные деньги.

Молодой лекарь зашел в дом, заказал обед и озадаченно уставился в окно, на утреннее небо. Неужели ему все приснилось? Может, его по голове ударили, что вызвало галлюцинации?

И тут он вспомнил про раны на груди. Скинув сюртук, расстегнул рубашку и оголил грудь, на которой остались светлые узоры, напоминающие прожилки листьев.

— Невероятно, — выдохнул он.

***

Время пролетело незаметно. За день до начала учебного года меня в числе других студентов вызвали в канцелярию и вручили ключи от комнаты в общежитии.

— Как мне не хочется, чтобы ты съезжал от нас, — слезливо сказала Вера, подкладывая мне в тарелку говяжью котлету. — Обещай, что будешь навещать. А лучше приезжай к нам на каждые выходные.

Супруги Калинины были расстроены, хотя они знали, что я буду жить в общежитии. Анатолий Ренатович старался не показать виду, но уже по тому, что он был непривычно молчалив, я понимал, что он тоже не хочет со мной расставаться.

— Вы так говорите, будто я переезжаю обратно в Иркутск, — улыбнулся я. — Между нами полчаса езды. Я обещаю, что буду навещать вас. Не знаю, получится ли приезжать на каждые выходные, но обязательно найду свободное время. Да вы и сами можете приехать, ведь знаете, где буду жить, — я уплетал котлеты, закусывая сочным салатом.

— Точно так же я отпускала своих детей. Точно так же они мне обещали, что будут навещать, а сами за все лето только на пару деньков заезжали, — печально вздохнула она. — Вот и ты нас покидаешь. Как же тяжело оставаться, когда птенчики вылетают из гнезда, — Вера украдкой смахнула слезы и поспешно ушла на кухню под предлогом того, что самовар остыл и надо бы подогреть.

Анатолий Ренатович не спеша доел свою порцию, налил нам по рюмке брусничной настойки и позвал на улицу.

— Говорят, последние теплые деньки. Грозы обещают, — сказал он, усаживаясь на садовую скамейку. — Готов к учебе? Все купил?

— Купил, — кивнул я и отпил сладкую терпкую настойку. — Надо еще костюм заказать. Эмблему выдали, которую на грудь надо пришить.

— Эх, студенчество, — с улыбкой сказал он. — Самые лучшие годы. До сих пор вспоминаю. Весело было и дружно. Даже завидую тебе немного. Мое-то время уже ушло, а у тебя еще все впереди.

— В каждом возрасте есть свои прелести. Мой дед… — начал было я, но осекся.

Анатолий Ренатович с интересом посмотрел на меня, ожидая продолжения, поэтому пришлось выкручиваться.

— Наставник рассказывал, что мой дед до самой смерти изучал новые письмена, — на самом деле он изучал древние руны, которые искал по всему свету.

— Скучаешь по своей семье?

— Очень, — признался я, и это было правдой.

Только скучал не Степан, а Аскольд. Временами меня посещали дурные мысли, что моя смерть была напрасна и я не смог остановить злобную орду, из-за чего на империю обрушились страдания, но я старательно отгонял их от себя.

— Хоть мы тебе и не родные, — подал голос лекарь, нарушив повисшую тишину, — знай, что мы тебя приняли, как своего сына. Хочу тебе кое в чем признаться… Все наши дети — приемные. Совсем малышами мы забирали их из приютов и растили как родных.

— Они знают об этом? — спросил я.

— Уже знают. Но узнали они об этом, только когда выросли. Мы с Верой не стали ничего от них скрывать, хотя понимали, что разговор будет непростой. Много плакали. Отвели их на кладбище и показали могилы их родителей. Теперь они за ними ухаживают, но нас продолжают называть мамой и папой.

— Зачем же вы им сказали? — удивился я. — Пусть бы они и дальше считали вас своими настоящими родителями.

— Мы решили, что это неправильно. Эта страшная тайна тяготила нас. Да и врать близким нехорошо. Я чувствую, что и тебе есть что рассказать, но не хочу вытягивать из тебя кле-

щами. Когда будешь готов — мы тебя выслушаем и поддержим, — пожилой лекарь положил руку мне на плечо и улыбнулся.

Я улыбнулся в ответ. Как бы мне ни хотелось рассказать, кто я такой — этого никогда не будет. Я не могу признаться в том, что живу в чужом теле и чужой жизнью.

В это время послышался топот копыт, и к калитке подъехал извозчик Сергей.

— Ну все, мне пора, — сказал я и поднялся со скамьи.

Провожая меня, Вера вновь не сдержалась и, крепко обняв, зарыдала на плече. Анатолий Ренатович оттащил жену, виновато улыбнулся, мол, ох уж эти женщины, и помог вынести вещи.

— Спасибо за все. Буду наведываться! — крикнул я и помахал рукой из окна кареты, когда та начала отъезжать.

Ну вот и все. Начинается новый этап жизни. Эпидемия отступила. Друзья живы-здоровы. Только одно тревожило мою душу — архимонах Прокопий Рязанов. Надо бы разузнать о нем побольше и наведаться в гости. Пришла пора выяснить наши отношения, а то как-то нечестно получается: он меня убить хочет, а я с ним даже не знаком.

— Степа, удачи тебе. Хороший ты парень. Правильный. Много о тебе в Выселках говорят, — сказал Сергей, когда остановился у общежития и помог вытащить вещи из кареты.

— Что говорят?

— Только хорошее. Но слышал еще кое-что, — понизив голос, сказал он и оглянулся, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

— Говори, не тяни, — насторожился я.

— Говорят, что ты… как бы это сказать… маг, — последнее слово он сказал так тихо, что я сумел прочитать его лишь по губам. — Только ты не думай, мы ведь не предатели. Своих не выдаем. Очень даже рады, что ты такой.

— Ну ладно, пойду я, — сказал я, не зная, как реагировать на его слова.

Я не мог ни подтвердить, ни опровергнуть их.

— Удачи, Степка!

Я повесил за спину рюкзак, закинул на одно плечо мешок с вещами и книгами, на второе повесил сумку, которую набил новыми письменными принадлежностями и бумагой, и двинулся к солидного вида кирпичному трехэтажному зданию с высокими окнами и строгим фасадом. Взглянув на эмблему академии, нарисованную позолоченными красками на табличке, висящей под входом, потянул дверь на себя.

Я очутился в просторном вестибюле. Узкие, но высокие окна пропускали достаточно света, поэтому, бегло оглядевшись, приметил на стене старые пожелтевшие гравюры с изображением схем кровообращения, строением скелета и таблиц с химическими элементами. По обе стороны от окон висели плотные темно-зеленые шторы, в воздухе витали запахи чернил, мыла, воска и лекарств. Даже общежитие пахло как больница.

За стойкой стоял высокий молодой человек и раскладывал в большую ключницу запасные ключи от комнат.

— Добрый день, — поздоровался я и двинулся к стойке по дощатому полу, который жалобно заскрипел под ногами.

— Здорово, раз не шутишь, — устало выдохнул он, с интересом окинув меня взглядом. — Кто таков?

— Степан Устинов. Мне дали ключ от седьмой комнаты, — я спустил с плеча мешок, вытащил из кармана латунный ключ с деревянным брелоком, на котором была выжжена цифра семь, и показал ему.

— А-а, ну, раз ключ уже получил, значит, можешь подняться на второй этаж. Слева по коридору найдешь свою комнату. Вот здесь, — он указал на двери справа и слева от стойки, — находятся кладовые. Можно оставить на хранение сезонную одежду, сбрую, лыжи и прочее,

на что места нет в комнате. В каждом крыле есть общие умывальные и туалетные комнаты и кухня. В общем, сам разберешься, — махнул он рукой и продолжил свое занятие.

— Ясно, — кивнул я и снова взвалил мешок на плечо.

— А-а, да! Забыл сказать, — спохватился он, когда я прошел мимо стойки и подошел к лестнице. — У нас есть дежурства по неделям. График будет висеть вот здесь, — он указал на стену, на которую была прикручена доска, облепленная клеем и прилипшими остатками бумаги. — Кстати, раз ты первый заселяешься, то тебе первому и дежурить, — подмигнул он мне с довольным видом. — Начнешь прямо сегодня. Иди разложи свои вещи и спускайся.

— Что делает дежурный? — насторожился я.

Мне не понравилось, что он так сильно обрадовался тому, что передал такую ответственность.

— С шести утра, когда общежитие открывается, и до восьми, до начала занятий, ты сидишь здесь и записываешь всех гостей: имя, к кому пришел и когда вышел. Выдаешь кому надо ключи и прочее. С трех часов дня, когда учеба заканчивается, и до одиннадцати вечера продолжаешь записывать гостей, а также следишь за порядком, чтобы никто не курил в комнатах и в туалете, разгоняешь шумные сборища, после отбоя все обходишь и проверяешь: закрыты ли окна, не течет ли где вода и прочее, — перечислял молодой человек, имени которого я так и не узнал. — Следишь за тем, чтобы мусор вынесли вовремя, чтоб запасов угля, керосина и свечей на всех хватало. Если что-то ломается — вызываешь мастера. И, — он поднял палец и многозначительно посмотрел на меня, — ты должен все происшествия записывать в журнал. Понял?

— Понял, — кивнул я, хотя не был уверен, что все запомнил. Столько информации разом обрушилось. — А кто дежурит, пока дежурный на учебе?

— Приходит одна бабулька — божий одуванчик. Сидит, вяжет. Если надо — ключ выдаст, и на этом ее миссия закончена. Зовут Аграфена Ильинична. Без пяти восемь она уже здесь, а в три ноль пять встает и уходит, поэтому не опаздывай. У нас с этим строго. Всякое бывало: поджоги, кражи, разбой и тому подобное, поэтому дежурный всегда должен быть на месте и бдеть. Понял? — он строго посмотрел на меня.

— Понял. Что ж тут непонятного, — пожал я плечами и двинулся вверх по лестнице.

Пол коридора второго этажа устилал старый ковер со стертым рисунком. По обе стороны шли двери комнат. Я нашел свой номер и вставил ключ в замок. Он легко повернулся в замочной скважине, и дверь открылась.

В большое окно с широким подоконником лился дневной свет. Я закрыл за собой дверь, опустил поклажу на пол и осмотрелся. Комната рассчитана на двоих: две кровати, две простые тумбочки с керосиновыми лампами, два массивных письменных стола, пестрящих записями и смешными рожицами, три стула и один большой платяной шкаф.

Вполне пристойное жилище, и стены тепло-бежевого цвета, который придает уют. Напрягало одно — сосед. Надеюсь, мы найдем общий язык.

Я быстро разложил вещи в шкаф и тумбочку, после чего прошелся по этажу и нашел туалет, ванную и просторную кухню с плитой, умывальником, большим столом и шкафом, полным посуды.

— Я готов к дежурству, — сказал я, скатившись вниз по лестнице, но за стойкой никого не оказалось. Ну что ж, придется разбираться самому.

Глава 5

На доске для объявлений висела таблица дежурств, в которой была заполнена лишь верхняя строчка — мое имя и номер комнаты. Быстро же он избавился от своей обязанности, перекинув ее на меня и даже толком не объяснив, что я должен делать.

В общежитии стояла тишина, только цокот копыт по мостовой и разговоры на улице разбавляли тягучее безмолвие. Я прошелся по первому этажу и кроме кладовых нашел несколько хозяйственных помещений, запертых на ключ, туалет и небольшую каморку с продавленной софой и тумбочкой. На подоконнике стояла целая кипа старых медицинских справочников и учебников.

Вернувшись к стойке, изучил журналы. В один записывали посетителей, во второй — выдачу ключей в кладовые и подсобные помещения, в третий — происшествия. Именно этот журнал заинтересовал меня больше всего. Опустившись на высокий круглый стул, перевернул потрепанную обложку с чернильными кляксами и отпечатками грязных пальцев и начал читать.

Первые записи датировались первым сентября прошлого года и были сделаны довольно корявым почерком. Самая первая запись была следующая: «Студент второго курса Илья Коновалов возвратился в общежитие в час ночи. Сильно стучал в дверь, требовал, чтобы его впустили. Ему сделано замечание. О случае доложено коменданту». Хм, неужели придется и мне записывать такие мелкие происшествия и доносить на студента? Так можно и врагов себе нажить.

Я перевернул страницу и продолжил читать: «Сегодня около полуночи между студентами Романом Поповым и Сергеем Трофимовым с третьего курса произошла ссора. Драку разняли. Претензий ни у кого нет».

За ней следовала запись от седьмого сентября: «Ночью первокурсник Олег Лавров пожаловался на озноб и головную боль. Вызвали дежурного доктора».

В журнале также было написано о кражах, о разбитых стеклах, о нетрезвом студенте, болезнях и опасных экспериментах, которые едва не привели к отравлению дымом всех жильцов общежития. В общем, год выдался непростой, и больше половины журнала уже было заполнено. Я очень надеялся, что при моем дежурстве ничего подобного происходить не будет. Во всяком случае, я не собираюсь о каждом незначительном происшествии писать в журнале. Наверняка после этого следуют разбирательства, и виновного наказывают.

Время шло. Я уже решил подняться к себе, когда вдруг дверь резко открылась и ввалилась веселая толпа с сумками и баулами.

— Мы вернулись! — закричал кудрявый юноша.

— Здравствуй, дорогая общага! — парень примерно моего возраста с короткими темными волосами прижался к стене и даже чмокнул ее. — Как же я скучал.

Остальные с интересом уставились на меня.

— Ты новенький, что ли? — ко мне двинулся парень с гитарой на плече и протянул руку. — Жора Родионов.

— Да, первокурсник. Степан Устинов, — я пожал протянутую руку.

— И тебя, первокурсника, на страже оставили? — к стойке подошел еще один — рыжий конопатый парень с выдвинутой вперед нижней челюстью.

— Да. Что такое?

— Вообще-то перваков на дежурство не ставят, но тебе, видать, не повезло, — хмыкнул он. — Ну ладно, дежурный так дежурный. Запиши нас и выдай мне ключ, а то я свой еще в прошлом году потерял, а дубликат не успел сделать.

Студенты поспешили к лестнице, а рыжий дождался, когда я запишу его в журнал и выдам ключ из ключницы.

— Хм, Устинов — знакомая фамилия. Где я ее мог слышать? — спросил рыжий, задумчиво уставившись на меня. Он представился Игнатом Троицким и жил на третьем этаже.

— Довольно распространенная фамилия, — пожал я плечами.

Мне очень не хотелось, чтобы всем стало известно, кто я такой. Возможно, в будущем я смогу открыто говорить о себе и своих способностях, но точно не сейчас.

— Может быть, — согласился он, подхватил свои чемоданы и поспешил за остальными.

С этого момента друг за другом начали заселяться студенты. До самого вечера мне не удалось отлучиться даже в ближайший трактир, чтобы перекусить, и я очень разозлился на того молодого человека, который в первый же день поставил меня дежурным. Божий одуванчик, про которого он рассказывал, так и не появилась.

В конце концов я подозвал мимо проходящего паренька, который заселился час назад и теперь слонялся по вестибюлю, высматривая своих однокурсников.

— Дружище, постой за стойкой. Сбегаю в трактир, пока он не закрылся, и куплю что-нибудь на ужин.

— Ладно, только не задерживайся, — нехотя согласился он.

Я вышел на улицу и заметил, что фонарщики уже зажгли лампы, а часть лавок уже закрылась. Перебежав через дорогу, зашел в ближайший трактир. К счастью, в зале было еще много народу, и две молодые служанки сновали между столами с подносами еды. От запаха жареного мяса в животе заурчало.

Я подозвал служанку и поинтересовался, что у них есть из готовой еды. Ведь не был уверен, что студент не покинет стойку дежурного и не уйдет по своим делам. Думаю, если за это время что-то случится, спрашивать будут с меня.

— Закуска готова: маринованные грибочки, квашеная капуста, нарезка вяленого мяса и сыр, — перечислила она, задумчиво глядя перед собой и загибая пальцы. — Первое уже закончилось. Из второго остались голубцы и куриные сердечки. На десерт — только варенье и блинчики.

— А можно мне с собой забрать? Обещаю вернуть посуду.

— Ну-у, не знаю, — с сомнением протянула она. — Могу положить в деревянные плошки. Они у нас часто лопаются, поэтому почти каждый месяц заказываем. Но в следующий раз просто приходите со своей посудой, — она критично оглядела меня. — Студент, что ли?

— Студент, — кивнул я, не зная, какое это имеет значение.

— Что же тебе вынести, студент?

— Порцию голубцов, сердечек и блинов с вареньем, — быстро ответил я, уже предвкушая, как все это съем.

— Сейчас вынесу, жди, — она торопливо двинулась в сторону кухни и исчезла за дверью, а я опустился на стул и посмотрел на общежитие.

Здание с двух сторон окружали старые липы, большинство окон чернели, в остальных горели керосиновые лампы. Вот он — мой новый дом на ближайшие годы. В принципе, неплохо. Крыша над головой есть, кухня и туалет под боком, академия через дорогу. Все сделано для того, чтобы студент был озабочен только учебой, а не бытовыми проблемами.

— На, держи. С тебя шестьдесят пять копеек, — она выложила передо мной три деревянные плошки с едой.

По голубцам растекался большой шмат густой сметаны, сердечки плавали в томатном соусе, а блины были политы малиновым вареньем.

— Спасибо, — расплатившись, сложил плошки одну на другую и двинулся к дверям.

— Пожалуйста, но в следующий раз со своей посудой приходи. Ваши всегда так делают! — крикнула мне вслед служанка.

Я вернулся в общежитие и увидел, что студент со скучающим видом сидит за стойкой и следит за мотыльком, который летает вокруг зажженной лампы.

— Быстро ты, — одобрительно сказал он, пошел мне навстречу и, понизив голос, добавил: — Услуга за услугу. Я сегодня погуляю и вернусь позже одиннадцати, а ты об этом ни слова не напишешь в журнале. Договорились?

— Справедливо, — кивнул я, хотя и так не собирался писать о таких мелочах, как опоздание. В конце концов, студент — это взрослый человек, а не ребенок.

— Кстати, ты можешь поесть в каморке дежурного. Иногда мы там даже ночуем, — он указал на комнату, в которой стояла продавленная софа. — Ты тоже там на ночь останься. Я постучу в окно, когда вернусь.

— Хорошо, но… Как же мне заниматься и выполнять домашние задания, если всю неделю придется здесь сидеть? — спросил я.

— Скажи спасибо студенческому братству «Избранные». Это они добились того, чтобы студентам дали больше власти и ответственности. Из-за них и страдаем, — шепнул мне парень и, с завистью покосившись на плошки, от которых исходил пьянящий аромат еды, вышел на улицу.

Только после сытного вкусного ужина я почувствовал себя лучше, и настроение немного поднялось.

До самого закрытия студенты сновали туда-сюда. Я даже перестал обращать на них внимание и следить за тем, кто здесь живет, а кто просто гость. И вообще, я не нанимался работать швейцаром! Что за порядки такие? Кто дал право этим «Избранным» навешивать на студента дополнительные обязанности?

Чтобы разузнать обо всем, я остановил молодого человека, заявившегося с мешком картошки. Он грохнул мешок на пол и вытер пот рукавом.

— Чего тебе? — буркнул он.

— Я слышал про студенческое братство «Избранные». Кто они такие?

— Олухи они, вот кто, — с досадой ответил он. — Из-за них у нас убрали горничную и постоянную дежурную. Теперь мы сами драим туалеты и кухню.

— То есть раньше было лучше? Братство лишь навредило студентам? — уточнил я.

— Ну-у, вообще-то они и хорошего добились, — нехотя признался он. — Стипендию нам увеличили. Теперь можно прожить месяц и не доить родителей. Добились, чтобы в сложных жизненных ситуациях академия выдавала студентам материальную помощь. Раньше нам даже приходилось самим химические препараты для опытов покупать, но теперь деканаты сами это делают за счет средств благотворителей. Короче, хорошее они тоже сделали, но и… — тут он осмотрелся и прошептал: — Говорят, они какие-то обряды проводят и вообще творят черные дела.

— Какие черные дела? — заинтересовался я.

— Точно не знаю, но слышал, что они труп из морга стащили и сами, без преподов, его разрезали где-то в подвале. Жуть, — вытаращившись, прошептал он. — А еще пьют какую-то дрянь, чтобы…

— Эй, вы что там шепчетесь? — на лестнице показался высокий молодой человек в синем бархатном костюме и с цилиндром на голове.

— Ничего не шепчемся, — буркнул мой собеседник, подмигнул мне, типа «держи язык за зубами», и, взвалив на плечо мешок картошки, двинулся к кладовым. — Объясняю молодому, как дежурить. И кто первокурсника за стойку поставил?

— А чем первокурсник хуже, чем мы с тобой? — покачивая тростью, студент спустился и подошел ко мне. — Если нужно что-то узнать, спрашивай у меня. Кстати, давай знакомиться. Федор Горняков, студент четвертого курса. Учусь на «Хирургии». А ты кто таков? — он осмотрел меня с ног до головы.

Я был одет как обычно: рубаха с поясом, широкие штаны, сапоги. Костюм, что купил на экзамены, приберег для учебы, а сейчас можно и так походить, пока форму академическую не заказал.

— Степан Устинов. Только поступил.

— Устинов? — наморщил он лоб. — В газете писали про какого-то студента Устинова, который с Яровым победил эпидемию. Не ты ли, случайно?

Я понял, что отпираться бесполезно.

— Да, я, — спокойным голосом ответил я, следя за реакцией нового знакомого. Тот сначала непонимающе уставился на меня, затем его брови удивленно взметнулись вверх.

— Неужели? А вот это уже очень интересно, — в его глазах вспыхнули огоньки. — Ты в какую комнату заселился?

— В седьмую. А что?

— Жди после закрытия общаги в гости. Нам нужно познакомиться поближе, — он лукаво улыбнулся, будто затеял что-то грандиозное.

— Собственно говоря, я хотел лечь пораньше, ведь завтра первый учебный день и…

— Ерунда, — перебил он меня и махнул рукой. — Все равно в первый день будет посвящение в студенты, знакомство с академией и прочие мероприятия. Жди нас после одиннадцати, — строго сказал он, надел белоснежные перчатки, прикоснулся к полям цилиндра и вышел на улицу.

В это время из кладовой показался тот самый студент с картошкой.

— Будь осторожен, — прошептал он, быстро приблизившись ко мне. — Федя тоже в братстве. Раз ты тот самый Устинов, то они захотят тебя видеть в своих рядах.

— И что ты посоветуешь? Вступать в братство или нет?

— Я бы этого не делал. Грязными делами заниматься не намерен.

— Почему же грязными, если они столько хорошего сделали для студентов? — спросил я и тут же добавил: — Не считая дежурства, конечно.

— Смотри сам, мое дело предупредить, как младшего, — пожал он плечами и, грузно шагая, двинулся к лестнице.

Руночерть бы задрал всех этих интриганов! И что мне теперь делать, если новый знакомый предложит вступить в братство? Эх, надо было соврать, что я не тот Устинов, про которого написали.

Раздосадованный, я вернулся за стойку и с мольбой посмотрел на часы. Стрелки сегодня были на удивление медлительны. До одиннадцати часов, когда я могу запереть входную дверь и пойти в свою комнату, оставалось целых два часа.

Студенты все прибывали и прибывали. Кто-то спешил со мной познакомиться и пожелать хорошего дежурства. Кто-то проходил мимо, даже не взглянув на меня. Кого-то привозила к общежитию шикарная карета, а кто-то с вещами добирался пешком и без сил вваливался в двери.

Старшекурсники радовались встрече друг с другом, жали руки, обнимались, договаривались о попойке. Первокурсники вели себя скромно и тихо. Каждый из них считал необходимым подойти ко мне, представиться и попросить разрешения подняться в комнату. Сначала я пытался объяснить, что я такой же новобранец, как и они, но потом махнул рукой и, изобразив надменное лицо швейцара, кивал и просил не нарушать внутренний распорядок, о котором я сам еще не читал.

Когда стрелки наконец добрались до заветного времени, я чуть ли не бегом ринулся к двери, запер ее и с облегчением выдохнул. Однако далеко уйти не успел — в нее тут же начали долбиться.

— Ты чего? Мы же здесь, на улице стояли, — возмущенно пробасил детина, выдыхая мне в лицо остатки табачного дыма. — Ты бы хоть прокричал, что ли.

— Время ровно одиннадцать. Кто не успел — тот опоздал, — сухо ответил я, пропуская всю компанию в общежитие и запирая дверь. — Больше никому открывать не буду. Хоть до утра стучитесь.

Я здороворазозлился из-за всей этой ситуации.

— Да ладно тебе. Сегодня ты меня впустил, в следующий раз я тебя впущу. Мы же здесь как эти… как их?… А-а-а, мушкетеры! Один за всех, и все за одного, — он с такой силой хлопнул меня по плечу, что я чуть не улетел.

Подвыпившая компания поднялась на третий этаж, а я подождал немного — вдруг еще кто-то объявится — и тоже пошел в свою комнату.

Как оказалось, она не пустовала. Тот самый парень с картошкой раскладывал свои вещи, заняв кровать справа.

— А-а-а, это ты мой сосед. Ну, давай знакомиться. Меня Сева Самойлов зовут, а ты кто? — он протянул мне руку.

— Степан, — я решил больше никому не называть свою фамилию.

Рука у Севы была большая и крепкая, с сухими мозолями, явно приучен к тяжелому труду.

— Ну что, Степан, будем с тобой вместе жить. Одну комнату, так сказать, делить, — он обвел взглядом бежевые стены, заглянул под кровать и в тумбочку и остался доволен. — В прошлом году тараканов здесь было — жуть, но, говорят, летом травили, поэтому пока чисто. Если тебе что понадобится — проси, не стесняйся. Я уже на второй курс перешел, поэтому могу помочь с учебой. Сам я деревенский, поэтому все из дома привожу и на кухне готовлю. По кабакам и трактирам не хожу. Если хочешь, можем скидываться и вместе еду покупать. Так дешевле будет, — предложил он.

— Посмотрим. Я пока ничего не знаю, — ушел я от ответа, хотя парень показался мне дружелюбным и простым в общении, и я был уверен, что мы подружимся.

— Ну, лады, понимаю, сам таким был, когда из деревни в Москву приехал. Олух олухом, — смущенно рассмеялся он. — А сам-то ты откуда?

— Из Лесогорья. Деревня под Иркутском, — пояснил я.

— А-а-а, — понимающе протянул он, но затем помотал головой. — Не, не слышал.

Я заправил постельное белье, сменил сапоги на тапочки и, прихватив подушку, уже хотел спуститься и лечь спать в каморку, как вдруг в дверь с силой постучали.

Мы с Севой настороженно переглянулись.

— Я никого не жду, — шепнул он мне.

Я пожал плечами и открыл дверь. На пороге стоял Федор Горняков с тростью в руке и с цилиндром, зажатым под мышкой.

— Не понял, а кто тебя впустил, если ключ я с собой забрал? — удивился я.

— Мне не нужен ключ, — улыбнулся он и махнул рукой. — Иди за мной. Есть разговор.

Я вышел из комнаты и уже закрывал дверь, когда услышал шепот Севы:

— Не соглашайся становиться «Избранным».

Ха, еще как соглашусь. Чувствую, с ними будет весело.

Глава 6

Я шел следом за Федором Горняковым. Он что-то напевал под нос и покачивал своей тростью, которую явно носил для статуса, а не потому, что опирался на нее. Молча мы поднялись на третий этаж и двинулись по правому коридору. Из комнат, что располагались по обе стороны, доносились разговоры, смех, бренчание гитары и нестройное пение.

— Куда мы идем? — спросил я, когда мы дошли почти до конца коридора и впереди остались лишь кухня, умывальные и туалетные комнаты.

— Сейчас все узнаешь, — бросил он через плечо, зашел на кухню и запер за нами дверь на щеколду.

— Хочешь научить меня готовить? — усмехнулся я.

— Какой ты нетерпеливый. Даже не скажешь, что маг, — он многозначительно посмотрел на меня.

В груди неприятно защемило. Откуда он все знает? И что он намерен делать? А вдруг он поддерживает «Лик Истинного» и привел меня сюда, чтобы убить?

Незаметно для Феди я нарисовал руну «Щит», но не активировал, пристально следя за его действиями.

— Да не бойся ты, — хмыкнул он и вручил мне трость и цилиндр. — Подержи пока.

Я забрал его вещи, все еще настороженно следя за ним. Федя же вытащил из нагрудного кармана ключ и подошел к неприметной узкой двери за шкафом с посудой, что стояла в углу.

— Прежде чем мы пойдем дальше, ты должен пообещать, что никому не расскажешь о том, что тебе предложили, даже если откажешься, — он строго посмотрел на меня, вставив ключ в замочную скважину.

— Я не могу этого обещать, ведь не знаю, что произойдет дальше, — сухо ответил я.

Федя замер на мгновение, буравя меня взглядом, затем хмыкнул, чуть улыбнувшись, и повернул ключ в замке.

— Ты будешь молчать, ведь, как только откроешь рот, сам окажешься под угрозой.

— Почему?

— В братство приглашают только тех, кто имеет на это право. Иди за мной, — он открыл дверь и протиснулся внутрь.

Я последовал за ним и оказался в полутьме перед узкой винтовой лестницей, ведущей вниз.

— Спускайся боком, а то застрянешь, — Федя довольно резво начал спускаться во тьму, будто делал это много раз.

Возможно, так и было. Я же не торопился последовать его примеру и принялся осторожно переходить со ступеньки на ступеньку, предварительно пощупав ее носком.

— Почему мы не могли спуститься по главной лестнице? А то здесь можно и шею сломать, — спросил я, когда мне на лицо опустилась мерзкая паутина, а от затхлого пыльного воздуха захотелось чихать.

— Только по этой лестнице можно попасть туда, куда я тебя веду. Ну или выйти на улицу, обогнуть общежитие и дать условный сигнал тем, кто уже внутри. Но я решил показать тебе этот путь.

— Ты хотя бы намекни, куда мы идем? — я отмахнулся от чего-то, пролетевшего мимо моего лица. Скорее всего, это была муха.

— Почти пришли. Сейчас сам все увидишь, — Федя остановился, и я чуть не налетел на него, ведь полоса света осталась вверху, а мы уже, судя по всему, спустились на первый этаж или даже ниже.

— Осторожнее! — возмутился он, ведь на ногу я ему все-таки наступил.

— Прости, но я не виноват. Нужно было взять с собой хотя бы керосиновую лампу.

— Не нужна здесь лампа, — послышался скрип, открылась дверь, и яркий ослепительный свет ринулся в узкую шахту винтовой лестницы.

Я зажмурился, ведь перед глазами мелькали яркие пятна, из-за которых я ничего не видел.

— Пришли. Добро пожаловать в штаб-квартиру братства «Избранные», — довольным голосом сказал Федя и двинулся вперед.

Я проморгался, потер глаза и с удивлением обнаружил, что попал в большой зал с низкими кирпичными сводами, каменным полом из плит серого цвета и кирпичными стенами, на которых местами виднелись старые кафельные панели, какие бывают в больницах.

В центре зала впритык друг к другу стояли тяжелые деревянные столы, на которых виднелись пятна, царапины и следы от посуды. Вдоль дальней стены высились грубо сколоченные стеллажи с банками, коробками, муляжами органов и человеческих тел, а также стопки учебников и журналов. В углу стоял шкаф из темного дерева с навесным замком.

Свет исходил от множества масляных и керосиновых ламп, а также двух канделябров с десятком свечей. В воздухе витали запахи воска, спирта, трав и формалина.

— Где это мы? — спросил я, сам не понимая, почему понизил голос.

— Штаб-квартира братства «Избранные», — с гордостью повторил Федя. — Когда-то здесь был морг, а над нами — больница. Но здание отдали академии на общежитие, поэтому морг стал нашим местом встречи. Слышал об «Избранных»?

— Слышал, но так и не понял, что это за братство такое.

— Прежде всего хочу сразу тебе сказать, что мы в курсе, кто ты такой, — Федя опустился в кресло из потрескавшейся кожи и закинул ногу на ногу.

Я снова напрягся.

— Можно поподробнее? Кто это «мы»? И что вы знаете про меня? — сухо спросил я, не сдвинувшись с места. Если что-то произойдет, у меня будет путь к отступлению, ведь я придерживал дверь, чтобы она не закрылась, и сверху лился свет из кухни.

— Да расслабься ты. Все нормально, — Федя улыбнулся в надежде, что я перестану прожигать его настороженным взглядом. — Мы собрали про тебя всю доступную информацию, как только вывесили список поступивших. И два дня назад наш магистр встретился с академиком Яровым, и тот подтвердил наши догадки.

Я не мог поверить своим ушам. Яров, который сам не раз мне говорил, что я ни в коем случае не должен раскрывать правду о том, что я — руномаг, сам про меня все рассказал! Или я неправильно понял?

— Что же подтвердил Яров? — я старался сохранять спокойствие, хотя от негодования все кипело внутри. Хотелось прямо сейчас ехать в Выселки, чтобы встретиться с академиком и серьезно с ним поговорить.

— Что ты — маг, — Федор улыбнулся, поднял руку и продемонстрировал мне указательный палец, который вспыхнул голубым огнем. — Как и все мы.

Он сдул пламя и указал на стул.

— Присаживайся. Скоро придут остальные, и мы введем тебя в курс дел.

— Остальные? Как много членов у вашего братства? — я наконец отошел от двери и опустился на стул с мягкой потрепанной спинкой.

— Сегодня придут пятеро. В том числе магистр. Всего нас сорок два мага, из которых двадцать два уже не студенты академии, но продолжают поддерживать с нами связь.

— Чем занимаются «Избранные»?

— В первую очередь, как и все студенческие братства, мы стремимся создать комфортные условия для учащихся. Отстаиваем их права.

— Не думаю, что комфортными условиями можно назвать недельное дежурство, — парировал я, ведь злился на это.

— Неужели ты еще не понял, для чего мы это сделали? — удивленно приподнял он брови.

— Нет, — сухо ответил я.

— Чтобы никто не совал нос не в свои дела, — улыбнулся Федя и прислушался. — Кажется, идут.

Он поднялся с кресла и поспешил к правой стене, на которой висела плотная черная ткань. Не успел он добраться до нее, как раздался дробный стук. Это точно был шифр: три громких стука, перерыв, один стук, перерыв, четыре стука, перерыв и еще два стука.

Отдернув ткань, Федор отодвинул задвижку и сквозь узкую щель выглянул наружу. Только убедившись, что за тяжелой дверью находятся те, кого ждал, он отпер и открыл ее.

— Вы сегодня вовремя, — сказал Федя, пропуская трех мужчин в темных костюмах и фигуру в капюшоне и в черном плаще.

— Да и ты не стал мучить нас долгим открытием. Обычно требовалось два раза повторить шифр, — усмехнулся один из вошедших — молодой мужчина лет двадцати пяти, который первым увидел меня. — А-а-а, у нас гость. Степан Устинов? Я не ошибся?

Все с интересом уставились на меня, а он двинулся навстречу, протягивая руку.

— Нет, не ошиблись. Позвольте узнать, кто вы такой? — я не торопился пожимать руку, почувствовав мощную магическую ауру, которая волнами расходилась от него и пульсировала у меня в ушах. Он явно хотел продемонстрировать свою магическую силу.

— Кирилл Венедиктович Моранов. Доктор. И по совместительству магистр «Избранных».

— А-а, ясно. Надеюсь, вы мне все объясните, а то я не понимаю, какой смысл так прятаться, — ответил я, пожимая руку, но, в отличие от Моранова, не демонстрируя свою ауру, а намеренно угнетая ее, чтобы никто не понял моих истинных сил. Ведь я явно был сильнее этого магистра.

— Мы именно для этого сегодня собрались. Только позволь сначала представить тебе остальных членов братства, — он по очереди назвал имена двух мужчин, и те также пожали мне руку, не скрывая, что тоже являются магами.

А вот под капюшоном оказалась черноглазая красотка с черными волосами и молочно-белой кожей.

— Людмила Воронец, — сказала она глубоким томным голосом, прожигая меня насквозь своими черными глазами. — Я работаю заведующей родильного дома. Много слышала о вас, Степан. Рада познакомиться с человеком, спасшим нашу империю от эпидемии.

— Вообще-то я был не один, и еще…

— Не стоит, — прервала она, подняв руку, и улыбнулась. — Все мы понимаем, кто на самом деле расправился с бестией.

Я не знал, как дальше действовать: утверждать, что ни о какой бестии знать не знаю и там было всего лишь цветущее растение — миф, который мы рассказали всем, или этим людям можно доверять и говорить с ними на равных? Я принял решение просто промолчать. Посмотрим, что будет дальше.

— Господа, предлагаю сесть за стол и объяснить нашему новому другу, зачем мы все здесь сегодня собрались, — предложил Кирилл Моранов.

Сам он сел во главе стола, остальные разошлись по разные стороны. Мужчины сняли цилиндры, расстегнули сюртуки и вальяжно расселись на мягкие стулья. Женщина сняла плащ, под которым оказалось закрытое бордовое платье с высоким воротом.

Моранов дождался, когда все сядут, и начал, обращаясь ко мне:

— Я так полагаю, ты уже слышал про студенческие братства?

— Слышал, но без подробностей.

— Неудивительно, ведь подробности знаем лишь мы — члены братства, — ответил он и обвел взглядом присутствующих. — Думаю, нам нет смысла проверять Степана. Мы изучили всю имеющуюся информацию, а также заручились поддержкой уважаемого человека и точно знаем, что ты — маг.

Все повернулись и с интересом посмотрели на меня, будто видели впервые.

— Если позволите, у меня есть вопрос, — поднял руку мужчина, который представился Дмитриев Збруевым.

— Конечно, Дима, — кивнул магистр.

— Степан, мы знаем, что для лечения ты используешь знаки или, как ты их называешь, руны. Кто тебя научил этому? Откуда у тебя такие глубокие познания рунной магии? Мы знаем, что твои родители умерли давно, а воспитывал тебя шептун. Неужели он владел еще и этим видом магии?

Этот вопрос снова поставил меня перед выбором, но я быстро принял решение.

— Я не могу ответить на этот вопрос. Пусть останется тайной.

Мой ответ многих удивил. Члены братства начали недоуменно переглядываться.

— Степа, ты среди своих, — твердо заявил Моранов, глядя мне в глаза. — Мы все — маги, но вынуждены скрывать это. Здесь ты можешь быть спокоен и открыт. Здесь ты можешь свободно говорить обо всем. В том числе о магии.

— Хорошо. Если я сочту, что хочу поделиться, то так и сделаю. А сейчас я не намерен говорить о своих способностях, — ответил я.

Пусть я покажусь им недоброжелательным или упертым, но раскрывать карты перед незнакомыми людьми точно не буду.

— Ладно. Твое право, — нехотя согласился магистр. — Тогда предлагаю нам всем по очереди продемонстрировать свои способности, чтобы Степа убедился в том, что мы — маги, а не просто говорим об этом.

Сказав это, он кивнул на Збруева. Тот положил руку на стол, и от нее по деревянной поверхности побежал иней, создавая кристальные узоры. Я дотронулся до рассыпчатого инея, и тот растаял, оставив темный отпечаток моего пальца на белоснежной столешнице.

— Дима у нас владеет магией льда. Он может создавать его даже без воды, — пояснил Моранов.

— Не совсем верно, Кирилл. Я использую частички воды из окружающего пространства. В пустыне я бы не смог создать лед.

— Да? Не знал. Если честно, вообще не задумывался, как ты это делаешь. Но, когда в коктейлях появляется лед, мы тебе всегда очень благодарны, — улыбнулся он.

Збруев убрал руку со стола, и иней сам растаял, оставив влажный след.

Третий мужчина, Евгений Стрелков, поднял ладонь и принялся водить ею, пристально глядя перед собой и шепча заклинание. Вдруг прямо на столе начал появляться… пони. Грива заплетена в косу, на хвосте — большой бант. Он спрыгнул на пол и принялся прохаживаться перед нами, делая выпады и поклоны, словно цирковая лошадь.

— Какая прелесть, — умиленно протянула Людмила.

Стрелков ударил в ладоши, и пони рассыпался, словно карточный домик.

— Женя владеет магией иллюзий. С ним никогда не бывает скучно, — усмехнулся магистр. — К сожалению, ни я, ни Люда не сможем тебе здесь продемонстрировать наши способности. Я — алхимик и могу вытянуть из любой травы столько полезных свойств, сколько мне надо. А наша дорогая Людмила Воронец — шептунья и может заживлять раны и излечивать болезни с помощью заговоров. Может, у тебя, Степан, есть к нам вопросы? — обратился он ко мне.

Остальные снова с любопытством повернулись ко мне.

— Есть, и много. Сколько членов в братстве? И почему оно называется студенческим, ведь вы явно не студенты? — спросил я.

— Так и есть. Мы прикрываемся студенческим братством, хотя берем в свои ряды только магов. Никто другой не может стать членом «Избранных». Нас сейчас двадцать семь человек. Ты станешь двадцать восьмым.

— Двадцать семь магов? — удивился я.

— Да. И это только в нашем братстве. На самом деле подобных объединений довольно много.

— Зачем они нужны? Какова ваша миссия? — я не понимал, зачем встречаться магам, если на них охотятся и убивают? Зачем выдавать себя, становясь членом такого братства?

— В первую очередь мы помогаем друг другу. Если на кого-то объявили охоту, мы первые узнаем об этом и стараемся спасти нашего собрата. Так уж вышло, что маги вынуждены существовать подпольно, чтобы иметь возможность жить обычной жизнью. Но, чтобы прикрывать свои истинные намерения, мы открыто помогаем студентам, добиваемся для них различных послаблений и материальных выплат.

— Сколько же братств существует в империи?

— Множество, и точнее никто не скажет.

Тут Людмила поднялась и взялась за свой плащ.

— Господа, предлагаю наглядно продемонстрировать то, на что мы способны и зачем собираемся. Поехали, я как раз хотела попросить вас о помощи.

— Люда, мы едем в роддом? — уточнил Федя.

— Не в сам роддом, а в мертвецкую при роддоме.

— На трупов я насмотрелся вдоволь, — нехотя ответил Збруев. — Сегодня уж как-нибудь без меня.

— Трупов не будет, — загадочно сказала Людмила.

— Как это? Неужто в мертвецкой живого спрятала? — удивился Моранов.

— Почти, — вновь ушла от ответа Воронец. — Вы сами все увидите. Идемте. Будет тесно, но в мою карету все вместимся.

Остальные не стали возражать и последовали за ней. Я же не торопился ехать неизвестно куда с малознакомыми людьми. На сегодня мне хватит событий.

— Степа, ты не идешь? — удивилась Людмила, заметив, что я не пошел за ними, а наоборот, двинулся к двери, через которую попал сюда.

— Вообще-то я дежурный, и мне следует быть на месте, поэтому…

— Ты должен пойти с нами. Нам может понадобиться твоя помощь. Вопрос жизни и смерти, — она с мольбой посмотрела на меня. — Там младенец, которому никто не поможет, кроме нас — магов.

Я тяжело вздохнул, посмотрел на открытую дверь и виднеющуюся винтовую лестницу и кивнул.

— Ладно, но только потом — сразу обратно.

Маги вышли друг за другом. Последним выходил Федя, который запер дверь на ключ. Похоже, он здесь отвечает за двери.

Мы оказались с обратной стороны общежития у рассыпавшейся каменной лестницы, которая вела вверх, на дорогу. Поднявшись, я увидел темные очертания кареты с лошадьми и кучера, прохаживающегося неподалеку.

Ну что ж, вот и начался новый этап моей жизни. Чувствую, будет жутко весело.

Глава 7

Мне не хотелось ехать куда-то с людьми, которых я видел первый раз в своей жизни, но слова Людмилы о том, что помощь нужна ребенку, подействовали на меня. Спасать тех, кто нуждается в помощи, всегда было моим слабым местом. Никогда в жизни я не проходил мимо того, кто был в опасности, в беде или мучился от боли. И в этот раз не смог отказаться.

— Долго ехать? — спросил я, едва мы забрались в карету, и та покатилась, слегка подпрыгивая на неровной дороге.

— Нет, скоро будем на месте... Лишь бы только не опоздали, — тяжело вздохнула Людмила и выглянула на улицу. — Надежда есть, но случай очень тяжелый.

— Люда, может, ты уже нас введешь в курс дела? — спросил Моранов — магистр «Избранных».

Он сидел прямо передо мной, зажатый с двух сторон Федором и Збруевым.

— Дитя родилось сегодня после обеда. Роды были тяжелые. Ох и намучилась роженица, — она тяжело вздохнула и снова выглянула в окно, будто тем самым подгоняла карету, которая и так набрала скорость и неслась по ночной Москве, а кучер без устали орудовал плетью и свистел. — Мы сделали все необходимое, но ребенок не дышал. Роженица, узнав, что мы не можем привести ребенка в чувство… обрадовалась, — Людмила сокрушенно покачала головой. — Оказывается, у нее муж уехал на заработки, а она сама загуляла. Ребенок был от любовника, и она не хотела забирать его из роддома, а тут такая удача — ребенок умер. В общем, завернула я девочку в пеленку, прижала к груди и понесла в мертвецкую. Когда уже шла по переходу, вдруг почувствовала какое-то шевеление. Развернула пеленку, а ребенок смотрит на меня. Я от неожиданности чуть не выронила ее на пол.

— Как же вы не поняли, что ребенок жив? — всплеснул руками возмущенный Збруев.

— А вот так. Мертв был ребенок. Да ты слушай дальше, — Людмила на мгновение замолчала и продолжила. — Я обратно побежала, а когда прибежала к докторам и положила перед ними девочку, оказалось, что она не дышит и глаза закрыты.

— Ничего не понимаю. Так мертв ребенок или жив? — Федор подался вперед, заглядывая ей в глаза, которые в полутьме сверкали как драгоценные камни.

— И жив, и мертв одновременно, — ответила она с таким видом, будто сама удивляется тому, что говорит. — Сердце не прослушивается, дыхание не смогли уловить. Еще какое-то время пытались оживить ее, но потом сдались. Я снова завернула ребенка и понесла в мертвецкую, чтобы завтра дать задание похоронить по-человечески, ведь мать даже отказалась тело ребенка забирать. А когда спустилась, слышу — кряхтит. Откинула пеленку, а она смотрит на меня своими синими глазами. Я не знала, что делать. Бежать обратно и всем говорить, что ребенок жив — будет странно, ведь такое уже было. Но и класть ее в ящик в мертвецкой я не могла.

— И что же ты сделала? — в нетерпении спросил Моранов.

— Дождалась патологоанатома и показала ему ребенка. А девочка, как нарочно, глазки закрыла и будто снова умерла. Он осмотрел, сказал, что по виду — как живая, и трупного окоченения нет, но и признаков жизни нет. В общем, творится что-то невообразимое. Я отнесла ребенка в свой кабинет, положила в коробку из-под шляпы, укрыла шерстяной шалью и приехала к вам. Не знаю, что делать.

Повисла тишина, которую нарушали лишь звуки с улицы.

— Тебе не могло показаться, что девочка на тебя смотрела? Может, ты под впечатлением была и… — осторожно начал Моранов, но девушка так на него посмотрела, что он осекся.

— Единственное объяснение, которое я могу дать — Женя прятался в роддоме и насылал иллюзии. Я пока что верю своим глазам. Они меня никогда не подводили, и тем более я могу отличить живого ребенка от мертвого. За время своей работы приняла сотни родов.

Возмущенный Евгений Стрелков тут же опроверг это предположение:

— Люда, я бы никогда на такое не пошел!

— Я знаю, Женя, — улыбнулась девушка. — Просто я хотела объяснить нашему магистру, что его предположение неверное и мне не могло показаться, что ребенок жив.

В это время послышалось «тпру-у-у», и карета остановилась.

— Приехали, — сказала Людмила и первой выбралась из кареты. Мы последовали за ней.

Уличные фонари освещали двухэтажное здание из красного кирпича на высоком белокаменном цоколе. В большинстве окон с белыми наличниками свет не горел. Только пара окон на первом этаже светились и столько же — на втором.

Людмила поспешила к крыльцу с двумя ступенями и постучала в широкую дверь с полукруглым витражом сверху.

— Кто там? — послышался приглушенный старческий голос.

— Это я — Людмила Михайловна! Открывай, Тихон! — прокричала девушка и подергала за ручку.

Дверь открылась, и показалась взъерошенная голова старика с сонными глазами.

— Чего это вы так поздно? Привезли, что ль, роженицу? — прищурившись, он оглядел нас.

— Нет, Тихон. Это доктора. Прибыли по делу, — она махнула нам рукой и прошла мимо старика.

Мы последовали за Людмилой. Старик подозрительно смотрел на нас, но не осмелился просить документы или препятствовать.

Пройдя через небольшой коридор, где стояли носилки, лопата и веники, мы вышли в небольшой холл, от которого в обе стороны убегали коридоры, а посередине высилась лестница на второй этаж.

— Сюда, — указала Людмила на коридор по левую руку и торопливо зашагала по деревянному дощатому полу, который скрипел под ногами.

Навстречу нам шла молодая девушка в цветастом халате. Она медленно двигалась вдоль стены, шаркая тапочками и с любопытством разглядывая нас.

— Анечка, ну как ты? Как самочувствие? — спросила у нее Людмила.

— Болит все нутро, — шепотом пожаловалась она. — Вот только встала. Как вы и велели — расхаживаюсь.

— Молодец. Завтра утром зайду тебя проведать, — она погладила девушку по плечу и, мельком взглянув на нас, торопливо двинулась дальше.

Мы дошли до кабинета, на двери которого висела табличка «Воронец Людмила Михайловна. Заведующая».

Людмила порылась в сумочке, вытащила ключ и отперла дверь. В кабинете было светло — на столе горела лампа.

— Заходите и заприте за собой дверь, — велела она, скидывая плащ.

Последним заходил Федор, который запер дверь на щеколду и опустился на стул рядом с ней. Остальные разошлись по всему кабинету, который оказался довольно просторным. Здесь даже имелось смотровое кресло за ширмой и две кушетки.

Людмила надела белый халат, помыла руки с мылом в умывальнике, что стоял в углу кабинета, и подошла к большому платяному шкафу. Я увидел, как она в нерешительности замерла, взявшись за латунную ручку.

— Люда, не томи нас, — подал голос Моранов. — Но хочу сразу предупредить, чтобы ты сильно не расстраивалась, если окажется, что ребенок на самом деле мертв.

— Мне нужна определенность, — глухим голосом ответила она. — Я не отдам хоронить ребенка, пока не будет стопроцентной уверенности, что он мертв.

— Но ты надеешься, что он жив, так? — спросил Федор.

— Конечно. Всем сердцем желаю, чтобы девочка была жива, но…

Она глубоко вздохнула и медленно открыла дверь. Я подался вперед и прислушался в надежде различить хоть какой-то звук, который бы свидетельствовал о жизни, но в шкафу царила угнетающая тишина.

Людмила нагнулась и вытащила большую круглую коробку. Збруев подскочил к ней, забрал коробку и поставил на письменный стол, с которого Евгений убрал кипу бумаг и истории болезней. Мы все окружили стол, заглядывая в коробку, где виднелась одна лишь шаль.

— Готовы? — шепотом спросила Людмила, взялась за шаль и оглядела нас встревоженным взглядом.

— Не медли! — велел Моранов.

Девушка раздвинула шаль, и мы увидели маленького беззащитного младенца, завернутого в пеленку. Ребенок выглядел так, будто умиротворенно спал: ни синюшных губ, ни трупных пятен.

Моранов осторожно вытащил ребенка из коробки и припал ухом к его груди.

— Ничего не слышу. Ни звука. Где твой стетоскоп?

— Здесь, — Людмила вытащила из кармана халата деревянную трубку и протянула Кириллу.

Тот опустился на кушетку, положил ребенка на колени и, придерживая его одной рукой, второй приставил к груди младенца трубку и прислушался. Все замерли, следя за его реакцией.

— Нет, сердечко не бьется. Мне жаль, Люда, но ребенок мертв, — Моранов вздохнул с сожалением.

— Дай-ка мне, — Збруев отобрал у него стетоскоп и сам припал к нему ухом.

Мы снова замерли в надежде услышать другой вердикт, но и этот доктор подтвердил слова магистра.

— Но ведь она совсем как живая, — возразила Людмила. — Посмотрите же вы повнимательнее! Или дайте Степе посмотреть!

Женщина отчаянно хотела услышать другое, но уже второй доктор подтвердил, что сердце не бьется.

— Верно. Пусть Степа посмотрит, все-таки он духогляд, — поддержал Федя.

Не дожидаясь, когда магистр придет в себя и что-то решит, я подошел к нему, забрал ребенка, положил обратно в коробку с шалью и развернул пеленку. Первое, на что обратил внимание — пупок завязан и уже зажил.

— Когда, вы говорите, ребенок родился? — уточнил я у Людмилы.

Она взглянула на настенные часы, что-то прикинула в уме и ответила:

— Семь часов прошло.

— Но пупок…

— Я же шептунья, — быстро ответила она. — Когда принимаю роды, то сразу лечу и ребенка, и роженицу. Об этом многие знают и со всей губернии приезжают рожать. Говорят, у меня рука легкая. Никто не подозревает, что я магией лечу.

— Ясно, — кивнул я, не скрывая восхищенного взгляда.

Даже не предполагал, что шептунья может быть настолько сильна, ведь Ерофей не мог такого делать. Он вообще мало что мог.

Переключив взгляд, я внимательно осмотрел младенца. То, что я увидел, заставило меня напрячься. Доктора, которые внимательно следили за мной, тут же ринулись с вопросами:

— Степан, вы что-то увидели?

— Что там?

— Мертв или жив? Не молчи!

Прежде чем ответить, я глубоко вдохнул и шумно выдохнул, чтобы немного прийти в себя и осознать увиденное.

***

Илья никак не мог понять, что с ним случилось. Он попытался выяснить, есть ли поблизости небольшая деревенька, но все как один говорили, что ближайшая деревня стоит у дороги в километрах пятидесяти отсюда, и там точно не двадцать домов, а как минимум сотня.

Еще он поговорил с хозяином постоялого двора и спросил у него про Лешего, но мужчина лишь рассмеялся и ответил, что в сказки не верит.

— Погодите-ка, а когда я к вам прибыл? — спохватился лекарь. — Три дня назад или больше времени прошло?

— Да ты чего, парень? — хозяин недоуменно уставился на меня. — Перепил, что ли? Ты ж только вчера заселился. Вот и запись имеется, — он открыл журнал и ткнул в него пальцем.

Илья прочел свои фамилию и имя, дату и сколько заплатил.

— Но ведь меня здесь дня три не было. Я лежал в доме у Захара. И Варвара с Пелагеей там были, — растеряно проговорил он.

— Не знаю, про какие три дня ты говоришь, но сегодня утром мой работник тебя под навесом нашел без сознания. Ночью же нас обокрали, сам знаешь. И тебя, видать, по голове тюкнули. Вот тебе все и померещилось. Ведь всю ночь на улице пролежал. Хорошо, что не замерз, подморозило ночью. Лето-то заканчивается, — попытался объяснить хозяин, видя замешательство постояльца.

— А вот это тогда что такое? — Илья расстегнул рубашку и показал белые следы на груди.

— Мне-то откудова знать? У тебя надо спросить, — развел руками мужчина, рассматривая сложные узоры, похожие на жилы растения на листе. — Будто нарисовано.

— Не нарисовано, — Илья демонстративно потер грудь пальцем. — Не было, и вдруг появилось.

— Может, болезнь кака? Я ведь в лекарских делах не силен, — покачал он головой. — Тебе если к лекарю надо, то он ведь у нас есть. Пойдешь прямо до лавки, оттудова налево свернешь и…

— Не нужен мне лекарь, — с досадой ответил Илья. — Ладно, поеду дальше. Не знаете, когда ближайший дилижанс?

— Только уехал. Следующий — третьего дня. Лучше к купцам напросись. Они вона собираются, — указал хозяин в окно, где виднелись битком набитые повозки.

Лекарь торопливо выбежал на улицу. Два купца в цветастых жилетах о чем-то договаривались, кивая на своих работников, которые уже расселись по повозкам и ждали отмашки от купцов, чтобы пуститься в путь.

— Господа, не найдется ли место для попутчика? Готов заплатить, — обратился к ним Илья.

Мужчины переглянулись. По их лицам Илья понял, что они совсем не хотят брать его.

— Я — лекарь, — быстро сказал он и открыл свой лекарский чемодан. — Могу в дороге пригодиться. Давайте заключим договор — вы меня возьмете с собой, а я за это буду лечить ваших людей и лошадей. У меня все необходимое имеется.

Один из купцов, мужчина с поседевшей рыжей бородой, внимательно осмотрел содержимое чемодана, затем повернулся к повозкам и крикнул:

— Ванек, у тебя место для человека найдется?!

Ванек, молодой мужчина в красной косоворотке, указал на сиденье кучера.

— Только рядом с собой могу посадить! На мешки с крупой никого сажать не буду! И так нагружен сверх меры! Боюсь, как бы ось пополам не сломалась!

— Сядешь на козлы? Удобств не имеем. А в карету свою я тебя брать не буду, — предупредил купец.

— Согласен. Лишь бы поскорее уехать отсюда, — последнюю фразу Илья сказал почти шепотом, но купцы расслышали.

— Что такое? Должен кому-то? — насторожился рыжебородый.

— Нет, чертовщина здесь какая-то творится. Мерещится всякое, — пояснил он и опасливо оглянулся на лес, виднеющийся за забором. Ему стало казаться, что оттуда за ним кто-то следит.

— Мы как раз уже выезжаем, — сказал он, пожал руку второму купцу и двинулся к карете, крикнув работникам: — Выдвигаемся!

Илья поспешил к Ваньку, представился ему, забросил вещи в повозку и сел на козлы, подложив на жесткое сиденье свой сложенный кафтан.

Ворота постоялого двора открылись, и повозки одна за другой выехали на широкий тракт. Только когда дорога свернула и постоялый двор скрылся из глаз, Илья выдохнул и почувствовал, что на душе стало легче. Однако он так и не понял, было ли произошедшее, или ему все померещилось. Судя по следу магии на груди — Леший и деревня были наяву, но в остальном ничего не сходилось.

Во-первых, Илья отчетливо помнил боль, когда в него вонзали нож, но ран не осталось. Во-вторых, у него перед глазами так и стояли деревенский дом, его лежанка, потрескавшаяся печь, Варвара, Захар и знахарка Пелагея с темными глазами и непонятным возрастом. А еще он до сих пор будто ощущал запах, который исходил от Лешего. Это был свежий аромат леса, смолы, грибов и прелых листьев. Неужели все это ему лишь привиделось?

Он захотел еще раз убедиться в том, что ему ничего не показалось, поэтому расстегнул рубашку и посмотрел на белые следы. Если бы они были хаотично разбросаны, то можно было бы предположить, что это лишай или другое кожное заболевание, но узор был довольно четкий и перетекал один в другой, образуя густую сеть линий.

— Ты чего? — спросил у него Ванек, какое-то время понаблюдав за молодым лекарем.

— Да так, — неопределенно ответил Илья, застегнул рубашку и повернулся к лесу.

Ему показалось, что между деревьями мелькнула знакомая высокая фигура с большой головой.

— Спасибо тебе, Леший, — прошептал Илья и прижал руку к груди.

Он решил, что больше никому не расскажет о том, что с ним случилось, кроме Степана. Уж он-то его выслушает и поймет. А может, даже сумеет объяснить случившееся.

Глава 8

Способность духогляда показала мне, что ребенок жив, но кое-что меня озадачило. Во-первых, сердечко было не на месте, а чуть сдвинуто влево, и билось не спеша. Во-вторых, на лице младенца корчилась жуткая рожа сущности с красными глазами. Тварь овладела маленьким ребенком и, возможно, она подчинила беззащитную девочку своей воле, насмехаясь над доктором.

— Степа, ну что? Ты видишь что-нибудь? — с тревогой в голосе спросила Людмила. — Ты же духогляд. Кто, если не ты, может точно сказать, человек мертв или жив?

— Ребенок жив, — ответил я, и все с облегчением выдохнули. — Однако в нем поселилась жуткая тварь. Мне нужно уничтожить ее, — я уже поднял руку, чтобы нарисовать «Вытеснение тени», но Кирилл остановил меня.

— Погоди, Степан, а если ты сделаешь еще хуже? — вполголоса спросил он.

В его глазах читался страх. Моранов переживал за ребенка.

— Хуже, чем сейчас? — у Збруева удивленно взметнулись брови. — Ребенок ни жив, ни мертв. Нужно хоть что-то делать.

— А если она просто лишилась сил из-за тяжелых родов? Может, нужно просто покормить молоком? — подал голос Федя.

— Я пыталась. Она не глотает. Все молоко просто вытекало из ее рта, — пояснила Людмила. — Степа, делай так, как считаешь нужным.

— Я не верю ни в каких тварей, — меня за руку, которой я хотел продолжить рисовать руну, схватил Евгений. — Объясни толком, что ты хочешь делать?

— Хочу изгнать сущность и освободить девочку. Только после этого ей можно помочь и добавить сил, — я отвечал спокойно, хотя понимал, что нужно торопиться.

Ребенок в большой опасности, ведь сущность просто заглушает ее естественные позывы. Младенец не может даже заплакать.

— Ты уверен, что не добьешь ее? — Евгений Стрелков не торопился отпускать мою руку, с силой ее сжимая.

— Нет, не уверен, но одно могу сказать точно — сущность ее убьет, а вот я сделаю все, чтобы помочь.

Мы какое-то время смотрели друг другу в глаза. Затем Стрелков перевел взгляд на младенца и, выдохнув, кивнул:

— Делай.

Я продолжил рисовать руну «Вытеснение тени», в то время как остальные внимательно следили за моими действиями.

Когда руна опустилась на младенца, я услышал уже знакомое шипение и голос в голове: «Ас-с-скольд, это наш мир, убирайся».

Показав длинный красный язык, сущность разлетелась на черные ошметки, которые тут же пропали.

Как только сущность пропала, ребенок закряхтел, открыл глаза и тихонько заплакал. Все с облегчением выдохнули, а я нанес на тело девочки несколько рун, которые придали ей сил, после чего плач стал громче, и девочка забила ножками.

— Проголодалась, моя малютка, — с умилением проговорила Людмила, вновь завернула ее в пеленку, вытащила из коробки и поспешила к двери. — Отнесу ее к кормилице, а вы ждите моего возвращения.

Какое-то время в кабинете царила тишина, но потом меня со всех сторон атаковали вопросами. Всем стало интересно, как выглядела сущность и что с ней стало после того, как я нанес руну. Где именно находится сердечко ребенка? Как это — «видеть то, что недоступно

другим» и прочее. Я старался объяснять доходчиво и подробно. Также порадовался тому, что наконец-то в моей жизни появилась компания, в которой я могу открыто говорить о своих магических способностях.

Когда вернулась Людмила, я уже рисовал на плотном листе бумаги, где именно находится сердце ребенка и почему его сложно было прослушать.

— Малютка ест за двоих, — с улыбкой сказала она. — Такая смышленая. Страшно подумать, что было бы, если бы я не засомневалась или попросила отнести тело девочки одну из медсестер. Мы бы похоронили живого ребенка, — она ужаснулась своим словам, провела рукой по лицу и покачала головой. Затем подошла ко мне и крепко обняла. — Спасибо тебе, Степан. Какое счастье, что именно в этот день ты появился в наших рядах.

— Что вы будете делать с ребенком? — спросил я, когда она меня отпустила и устало села на кушетку рядом с Морановым.

— Пока здесь поживет, а потом… решу позже. Сейчас мне нужно немного выдохнуть, прийти в себя и успокоиться. День сегодня суматошный.

— Как я вас понимаю, — я взглянул на часы. Время почти час ночи.

— Степа, предлагаю перейти на ты. Мы все свои, — сказал Кирилл Моранов, поднимаясь с кушетки. — Никто не против?

Присутствующие согласились.

— Люда, надеюсь, ты развезешь нас по домам на своей карете, а то сейчас извозчиков не поймать, а я своего отпустил, — магистр братства повернулся к Людмиле, которая оперлась спиной на стену и невидящим взглядом смотрела перед собой. Казалось, все тяготы мира опустились на ее плечи.

— Конечно, подвезу, — согласилась она.

Первым делом решено было отвезти нас с Федей в общежитие. Мы зашли через ту же дверь, через которую вышли, и поднялись по лестнице на третий этаж.

— Представляю, в каком шоке ты пребываешь. Не каждый день узнаешь, что ты один из многих, кому нужно скрывать свое истинное лицо, — подал голос Федя, запирая дверь на кухне. — В моей семье кроме матери с отцом никто не знает, что я — маг. Родители боялись за мою жизнь и с детства учили, что я могу упражняться в магии только при них. Слишком много завистливых и непорядочных людей, которые тут же побежали бы к служителям «Лика Истинного». Даже среди родных такие есть… Помоги шкаф задвинуть.

Вдвоем мы подвинули громоздкий шкаф с посудой, скрыв дверь.

— Как часто вы собираетесь?

— Только когда принимаем нового члена братства, как сегодня, и когда кому-то нужна помощь. К сожалению, мы до сих пор находимся в смертельной опасности. Архимонах «Лика Истинного» не раз объявлял охоту на магов. Каким-то образом ему удается договариваться с властью, и никто не встает на нашу защиту. Поэтому мы все держимся друг за друга. Другой возможности выжить у нас нет.

— Понимаю. Ко мне архимонах подсылал уже двоих убийц, — кивнул я.

Федя испуганно уставился на меня и схватил за плечо.

— Архимонах знает, что ты — маг? — прошептал он.

— Похоже на то, — задумчиво ответил я, ведь и раньше пытался понять, почему меня хотят убить, а теперь все стало на свои места — на меня объявили охоту.

— Что ж ты сразу не сказал? Мы должны тебя спрятать. Ты не сможешь учиться в академии. Лучше уехать куда-нибудь в другой город, сменить имя и…

— Никуда я уезжать не собираюсь. Как и бросать учебу, — твердо сказал я.

— Но ведь тебя убьют, — упавшим голосом сказал Федя, вцепившись уже в обе мои руки. — Надо спрятаться.

— Пусть лучше прячется архимонах, — с вызовом сказал я, чувствуя, как в груди снова поднимается ярость. Пора бы уже заняться этим архимонахом, и чем раньше, тем лучше.

— Степа, ты не понимаешь. Дело не в архимонахе. Если умрет один, на его место придет точно такой же. «Лик Истинного» только на этом держится, они — негласные марионетки императорской семьи. С помощью ордена император творит то, что официально не может — убивает тех, кого боится: нас, магов. Тебе нужно…

— Федя, я тебя услышал, но и ты услышь меня, — я положил руку ему на плечо и заглянул в испуганные глаза. — Я не хочу, чтобы кто-то руководил моей жизнью. Я не буду убегать и прятаться. Если ты боишься разоблачения, то лучше держись подальше от меня. Я пойму, если при встрече ты не будешь со мной здороваться.

— Не говори ерунды. Я тоже не лыком шит, — грозно сказал он, немного успокоившись. — Ладно, обсужу этот вопрос с Морановым. Может, он что-то сможет порекомендовать.

— Если его рекомендации будут такими же, как твои, то можешь мне о них даже не говорить, — предупредил я.

Федя кивнул, подошел к двери кухни, открыл ее и вышел в коридор. В общежитии до сих пор было шумно. Студенты, не видевшиеся все лето, продолжали гудеть, смеяться и распевать песни. Меня на эту неделю поставили дежурным, и я должен был утихомирить их, но решил этого не делать. Пусть развлекаются. В конце концов официально учеба начнется только с завтрашнего дня.

Сначала хотел вернуться в свою комнату, но тут услышал откуда-то снизу настойчивый стук. Я скатился по лестнице и поспешил к входной двери, но, как оказалось, стучали со стороны кладовок.

Открыв дверь каморки с продавленной софой, увидел темный силуэт в окне, который сильно стучал. Я подошел поближе и увидел того самого паренька, который остался стоять за стойкой, когда я ходил в трактир за едой.

Я открыл окно, пропуская его в общежитие.

— Ты где ходишь? — недовольно пробурчал он, перелезая через высокий подоконник. — Уже полчаса долблюсь, и все без толку. Думал, что придется на улице ночевать.

— Дела были, — уклончиво ответил я и запер за ним окно.

— Дела у него, — продолжал он обиженно. — Твое дело — дежурить и порядки наводить, пока дежурный. Все через это проходим. Я на своем дежурстве такого себе не позволяю. Всегда на месте.

— Больше такое не повторится, — пообещал я, хотя уверенности в этом не было.

— Ладно, — махнул он рукой, вышел из каморки и поплелся к лестнице.

Я же прошелся по общежитию. Как и полагается, проверил, чтобы все было выключено, и, прихватив из своей комнаты подушку, спустился в каморку.

Лег на софу, на которой чувствовались все пружины, поворочался немного и заснул беспокойным сном, в котором меня окружали мерзкие рожи сущностей.

***

Архимонах Прокопий Рязанов не знал, как поступить. С одной стороны, он уже решил, что пригласит Устинова в числе прочих на званый ужин в честь победы над эпидемией. Но, с другой стороны, больше никто не должен пострадать, кроме знахаря.

Все внимание будет сосредоточено на нем, на архимонахе, поэтому сам он подлить яд не сможет. Следует подобрать человека, который сделает это за него и останется незамеченным. Но кому доверить такое ответственное дело? Одному из охранников? А может, дать шанс Антону Громову?

— Нет-нет, все не то, — с досадой сказал он и посмотрел на поднос с чаем и пирожными.

Вдруг его глаза загорелись догадкой. Слуга — вот на кого никогда не обратят внимания и кто может под предлогом уборки или смены блюд подойти к столу и незаметно подлить яд.

— Веня! Иди сюда! — крикнул архимонах в сторону двери.

Послышались торопливые шаги, и в кабинет забежал запыхавшийся слуга.

— Слушаю, ваша святость. Зачем звали?

— Мне нужна будет твоя помощь, — Прокопий указал на стул с мягкой спинкой. — Присаживайся.

Слуга немного замешкался, ведь на его памяти глава «Лика Истинного» в первый раз предлагает ему присесть. Здесь явно что-то нечисто. Первое, о чем подумал Вениамин — его хотят уволить. Второе — он что-то натворил, и архимонах нарочно подзывает его к себе, чтобы дотянуться и дать затрещину.

— Ну, чего ты застыл? Проходи, садись. Есть серьезный разговор.

Вениамин глубоко вздохнул, весь сжался, как пружина, и медленно подошел к стулу. Потребовалось время, чтобы уговорить себя опуститься на него.

— Помнишь, ты мне дал один совет? — спросил архимонах.

Слуга постарался прочесть на его лице истинные намерения, но Прокопий словно маску надел — ничего не разберешь.

— Какой совет, ваша святость? — несмело спросил он, ссутулившись, чтобы стать меньше и незаметнее. — Я не помню ничего такого.

— Ну как же? Ты мне посоветовал избавиться от сибирского знахаря так, как избавлялись от претендентов на престол наши соседи.

— А-а-а, да, было, — с облегчением выдохнул Вениамин и энергично закивал.

— Завтра вечером, во время званого ужина, на который я приглашу Устинова, ты должен будешь подлить в его бокал то, что я тебе дам, — Прокопий залез в нагрудный карман и вытащил бутылек из темно-зеленого стекла. — Здесь сильнейший яд, добытый из желез тропических жаб. Одна капля яда может убить лошадь. Тебе достаточно капнуть пару капель, но будь осторожен. Яд проникает через кожу, поэтому не навреди себе, — вполголоса предупредил он.

— Я не знаю, сумею ли, — с сомнением проговорил Вениамин, настороженно глядя на бутылек.

— Сумеешь, — кивнул Прокопий. — Я дам тебе такую возможность. Приглашу гостей посмотреть коллекцию картин или поиграть в карты. Когда гости встанут из-за стола, ты под каким-нибудь предлогом подойдешь к нему и накапаешь яд в бокал или в еду. Как мне сказали, этот яд не имеет ни запаха, ни вкуса, поэтому Устинов ничего не заподозрит.

— А если меня поймают? — Вениамин уже сам был не рад совету, который дал когда-то.

— Не поймают, — уверенно проговорил архимонах и подвинул к нему бутылек. — Главное, чтобы ты сам себя не выдал. Не паникуй, действуй уверенно, а я буду делать все, чтобы гости были увлечены и ничего не заметили.

— Ваша святость, может, кому-то другому велите вместо меня? — слуга сделал еще одну попытку отказаться от злодеяния. — Вы же сами знаете, каким я бываю неловким. Да и стар я уже: глаза плохо видят, руки трясутся.

— Не придумывай! — прикрикнул на него архимонах, но тут же смягчился. — Веня, ты пойми, нет больше у меня верных людей. Ни на кого положиться не могу. Что ни день — разочарование. Кого, кроме тебя, я могу попросить о таком? Ну, ответь, — он выжидательно уставился на старого слугу.

— Даже не знаю, — признался он, старательно отводя взгляд в сторону. — Может, Громову дать еще один шанс?

— Громов привлечет ненужное внимание, а ты — нет. Сам подумай, у кого вызовет подозрение слуга, прибирающий со стола? Ни у кого. Ты — идеальная кандидатура. Некому, кроме тебя. Ты же умный человек, должен это понимать.

Вениамин осознал, что отвертеться не получится и, хочешь не хочешь, Прокопий заставит это сделать.

— Хорошо, я сделаю так, как вы велите. Но только с одним условием, — слуга набрался смелости и посмотрел в глаза своему господину.

— И что это за условие? — сухо поинтересовался архимонах.

— Увеличьте мне жалованье вдвое, — выпалил он, сам от себя не ожидая.

Это был вызов, брошенный в лицо могущественному человеку. Вениамин замер, ожидая реакции Прокопия. Ему даже показалось, что сердце перестало биться.

— Ладно. В случае успеха я увеличу тебе жалованье в два раза, — ответил архимонах, понимая, что он с легкостью может себе позволить такие траты, ведь Вениамину платил всего двадцать рублей в месяц. Но его все равно покоробило, что верный слуга оказался расчетливым и согласился на эту затею лишь с выгодой для себя.

Забрав бутылек, Вениамин спрятал его в карман балахона, в который одевался так же, как и все служители «Лика Истинного», и, пожелав хозяину спокойной ночи, вышел из кабинета.

Только оказавшись за дверью, он выдохнул, вновь достал бутылек, поднес его к носу и осторожно понюхал. Пахло лишь розовым маслом, которым архимонах смазывал себе руки.

Оглянувшись на дверь кабинета, он торопливо ушел в свои владения — в заднюю часть первого этажа резиденции, где находились кухня, кладовая и подсобка. Только оказавшись в знакомой обстановке, он пришел в себя и, опустившись на табурет, снова посмотрел на бутылек. Еще никогда в жизни ему не случалось убивать, поэтому он до сих пор не мог поверить, что согласился. Одно радовало — все это не зря. Если архимонах сдержит слово, а в этом Вениамин нисколько не сомневался, он сможет откладывать себе на старость.

Однако, прежде чем осуществить задуманное, слуга хотел убедиться в том, что яд действует. Переодевшись в рубаху, штаны и сапоги, какие носят большинство москвичей, он вышел с территории резиденции через неприметную калитку в заборе и направился по освещенной улице в сторону городского базара. Именно там он решил испытать яд.

Базар уже был закрыт, но вокруг него всегда было много разной живности: бродячие собаки, уличные коты, голуби, вороны и воробьи. Сейчас птиц не было, поэтому Вениамин вытащил из кармана кусок хлеба и капнул на него бесцветный яд, который нельзя было отличить от обычной воды.

— Тю-тю-тю, иди-иди сюда, блохастый, — подозвал он лохматого пса с порванным ухом и присел, подманивая его хлебом. — На, ешь.

Пес подошел, подволакивая заднюю лапу, завилял хвостом, заглядывая в глаза человеку, который принес лакомство, и осторожно забрал хлеб. Только удостоверившись, что хлеб никто отбирать не собирается, он опустился на булыжную мостовую, обхватил хлеб передними лапами и принялся есть.

Вениамин опустился на корточки неподалеку и внимательно следил за реакцией пса. Доев хлеб, пес облизнулся и пополз к нему, выпрашивая еще подачки.

— Не сработало, что ли? — сам себя спросил слуга и поднялся на ноги, наблюдая за тем, как пес виляет хвостом и трется мордой о его сапоги.

Вдруг пес замер, а следом захрипел, содрогаясь всем телом. Пса вырвало, но легче не стало. Его всего буквально сжимало и корчило. От боли псина жалобно завыла.

В окнах соседних домов начал зажигаться свет, поэтому Вениамин решил отдалиться, чтобы никто ничего не заподозрил, и наблюдать издалека. Он быстро отошел к дровяному сараю и спрятался за угол. Пока он шел, пес продолжал выть, но как только спрятался — наступила тишина.

Он осторожно выглянул и увидел, что пес лежит на боку, и только задние лапы дергаются. Так продолжалось не больше минуты. Вскоре подопытный затих.

Ну вот и все. На убийство ушло от силы три минуты. Неплохо.

Довольный собой Вениамин двинулся обратно к резиденции, насвистывая мелодию, которую услышал из открытой двери публичного дома, мимо которого частенько проходил, чтобы полюбоваться на красоток.

***

Проснувшись, первым делом нарисовал руну «Облегчения боли», ведь все тело ныло от проклятой софы — будто на камнях спал. Только когда почувствовал облегчение, поднялся на ноги и вышел в вестибюль. Время было раннее — полшестого утра, но город уже ожил: по дороге проносились повозки и всадники, слышались крики и разговоры, из пекарен поднимался дым. Однако в общежитии царила тишина.

Я поднялся в свою комнату. Мой сосед, Сева Самойлов, спал, забравшись головой под подушку. Прихватив полотенце, вытащил из-под кровати тапочки и пошел в душ. Вода была леденющая, и, сколько бы я ни ждал, теплее не становилась. Так быстро я никогда в жизни не мылся.

— Как дежурство прошло? — подал голос Сева, когда я вернулся в комнату, растирая полотенцем волосы.

Он уже встал, оделся и заправил кровать.

— Нормально прошло. Но спать на софе я больше не буду.

— Это да-а, — понимающе кивнул он. — Слышал я о ней, но сам еще никогда не дежурил. Перваки не дежурят. Только в этом году я могу попасть в график.

— Повезло тебе, — я снова с раздражением подумал, что не надо было так рано заселяться.

— Ладно, пойду поработаю, — Сева надел старые поношенные сапоги и снял с крючка потрепанный кафтан.

— Куда это ты?

— Дворником подрабатываю. Бывает, в пекарню зовут тесто месить. А на выходных грузчиком на складе работаю.

— Зачем? — удивился я. — Неужто стипендия такая маленькая?

— Да, на нее не разгуляешься. А я еще своему младшему брату помогаю. Семья у нас большая, но каждый друг за дружку горой, — он уже открыл дверь, но тут же ее захлопнул и шепотом спросил: — Ты куда вчера с Горняковым ходил?

— Да так, прошлись, поговорили, — я встал у зеркала, расчесывая гребешком непослушные волосы.

— Неужто в братство зазывал? — ужаснулся он. — Ты, надеюсь, не согласился?

— Никуда он меня не зазывал. Просто… поговорили.

— Ты смотри, даже не думай к «Избранным» проситься. Сомнительные они какие-то. Делишки у них черные.

— И что это за делишки? — заинтересовался я.

— Сам точно не знаю, но, говорят, чернуха-чернухой. Держись от них подальше — так будет верно.

— Понял, спасибо за совет.

Сева кивнул и вышел, а я задумался. Как бы братство ни таилось и ни старалось быть обычным студенческим объединением, про них все равно шепчутся и подозревают во всяком. Это может вызвать нежелательное внимание, поэтому нужно изо всех сил стараться быть обычными людьми и демонстративно отстаивать права студентов. Возможно, мне удастся внести кое-какие предложения, чтобы убрать ореол таинственности вокруг «Избранных».

Перекусив вчерашними блинами, надел лучший свой наряд и спустился к стойке дежурного. В общежитие как раз заходили двое студентов с чемоданами.

— Здорово, ты новенький, что ли? — спросил меня высокий плечистый парень в суконном дорожном костюме.

— Новенький, первокурсник, — кивнул я.

— Сразу понял — впервые тебя вижу, а сам я уже на последнем четвертом курсе. Дайка мне ключ от тридцать восьмой комнаты.

— Как записать? — я вытащил из ключницы нужный ключ, положил его на стойку и открыл журнал выдачи ключей.

— Степан Устинов пиши, — ответил детина, забрал ключ и двинулся к лестнице, а я остался стоять, глядя ему вслед. Что?! Еще один Степан Устинов?!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.